

КУЛЬТУРА МИРА

Том 9. Выпуск 3.

Спецвыпуск

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.

Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.

Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

4 номера в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 5,375

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Заместитель главного редактора

Халимбеков Х.З. - доктор экономических наук, профессор, международный эксперт.

Члены редколлегии

Арефьев М.А. - доктор философских наук. Профессор СПбГАУ, Заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ. Санкт-Петербургский Государственный Аграрный Университет.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Вань Хайянь - кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующей Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П. - доктор социологических наук. Депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Демьяненко Ю.А. - кандидат социологических наук. Ректор ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет».

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков АСК РФ (Академии Следственного Комитета Российской Федерации. Академия Следственного Комитета Российской Федерации).

Дон Ансельмо Сантос - доктор политических наук. Профессор университета Комплутенсе, г. Мадрид.

Забулионите К.И. - доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Иларионова Т.С. - доктор философских наук. Профессор РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нигматуллина Т.А. - доктор политических наук. Профессор АТиСО, директор Башкирского института социальных технологий ОУП ВПО «АТиСО», руководитель Центра ЮНЕСКО - ЮНЕВОК в РФ.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Омар Годинес Лансо - академик. Академия художеств Российской Федерации.

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Поканинова Е.Б. - доктор философских наук, кандидат социологических наук, действительный член РАЕН.

Пусько В.С. - доктор философских наук. Профессор МГТУ. Московского Государственного Технического Университета имени Н.Э. Баумана.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю. - доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Туманян Т.Г. - доктор философских наук. Профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока.

Хикмет Кораи - профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

Хитарова И.Ю. - доктор философских наук. Профессор, член философского общества.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Ян Валлениус - политолог, эксперт. Фонд поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений, Финляндия.

Ячин С.Е. - доктор философских наук. Профессор ДВФУ, заведующий кафедрой философии ДВФУ, г. Владивосток. Дальневосточный федеральный университет.

CULTURAL WORLD

Volume 9. Issue 3.

Special Issue

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

4 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Chief Editor

Halimbekov Kh.Z., Doctor of Economics, professor, international expert.

Editorial Board

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Demyanenko Y.A., Candidate of sociological sciences. Rector VPO Pskov State University.

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences. Professor of Complutense University (Madrid).

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of the Russian and Foreign Languages of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Türkiye Cumhuriyeti.

Hitarova I.U., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Member of the Philosophical Society.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the “National Institute of professional development and training of educators”, Tajikistan.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi

University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization "Friendship Society with Cuba".

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nigmatullina T.A., Professor, Director of the Bashkir Institute of Social Technologies PMO VPO of the Academy of Labor and Social Relations, Head of UNESCO Centre in Russia.

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

Omar Godínez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Pokaninova Y.B., Doctor of Philosophical sciences, PhD in Sociological sciences, Academician RANS.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of the Bauman Moscow State Technical University.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy. Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Ternovaya L.O., Doctor of historical sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Tumanyan T.G., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Head of Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences. Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Yachin S.E., Doctor of Philosophical Sciences. Professor, Head of the Department of Philosophy FEFU, (Vladivostok).

Yan Vallenius, Political expert. The fund for the support of inter-ethnic culture and public and international relations (Finland).

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

Содержание

Актуальные вопросы науки

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Культурологическая модель политического лидерства: священнослужитель на вершине государственной власти..... 10

Агамиров Н.И. Общность национальных традиций и исторической ответственности общества..... 23

Культурология

Чебодаева М.П. Художник Егор Мейер (1822-1867) в Хакасии..... 36

Политология

Щупленков Н.О., Щупленков О.В. Критерии формирования политической европейской идентичности..... 46

Болтенкова Л.Ф. Понятие, структура и функции политической культуры..... 62

Рябова Е.Л. Процесс формирования политического сознания..... 70

Аннотации 79

Авторы 85

Contents

Actual questions of science

Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Culturological model of political leadership: a clergyman at the top of state power..... 10

Agamirov N.I. Commonality of national traditions and historical responsibility of the society..... 23

Culturology

Chebodaeva M.P. Artist Egor Meyer (1822-1867) in Khakassia... 36

Political science

Shuplenkov N.O., Shuplenkov O.V. Criteria for the formation of political European identity..... 46

Boltenkova L.F. The concept, structure and functions of political culture..... 62

Ryabova E.L. The process of formation of political consciousness..... 70

Abstracts 82

Authors 86

Актуальные вопросы науки

Actual questions of science

Рябова Е.Л.

*Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».*

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ).*

Культурологическая модель политического лидерства: священнослужитель на вершине государственной власти

За достаточно долгую историю человечества люди смогли получить опыт организации своей жизни посредством самых разных способов правления. Были среди них и те, когда власть в государстве всецело принадлежала религиозному институту. Эта форма получила название теократии (от др.-греч. θεός «Бог» + κράτος «власть»). Но и помимо непосредственного исполнения духовенством управленческих функций религиозные деятели способны оказывать существенное влияние не только на жизнь народа, но и на политику светской власти. Известны случаи, когда представители церкви брали бразды правления светским государством в свои руки. Поскольку то были фигуры неординарные, то, с одной стороны, вариант успешного управления государством религиозным лидером можно считать редким исключением в управленческой практике. С другой стороны, именно эта исключительность, яркость

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2021.

Культурологическая модель политического лидерства: священнослужитель на вершине государственной власти

этих персон позволяет на основе их опыта государственного управления выделять особую модель не религиозного а политического лидерства.

Основанием для такого выделения служит то, что, во-первых, специально избранные на высокий государственный пост люди выражают представления социума не столько об их способности управлять, но прежде всего проявляют своей жизнью и служением обществу и государству некий нравственный стандарт. Именно об этом писал своему правительству посланник Сардинского королевства при российском императорском дворе граф Жозеф де Местр в 1811 г. Характеризуя новые законы, установленные Александром I, он заметил, что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Справедливость этого высказывания обоснована тем, что власть всегда выступает в роли зеркала нравов общества. Когда социум осознает, что с ним неладно, то он старается исправить моральный климат за счет выдвижения лидера, который отвечает представлениям о нравственной картине, которую хотелось бы не просто установить, но и удержать. В подобной наборе требований к лидеру, как правило, присутствуют конфессиональные факторы.

Во-вторых, нравственность исторически связана с религией, подпитывается религией¹. Неудивительно, что верующий человек, находясь во власти, всегда стремился к реализации политики, отвечающей моральным запросам общества, исходил из видения общности морали и религии, при этом часто непосредственно опираясь на авторитет церкви. Так, в средневековой Японии влияние буддизма в обществе поддерживало власть императоров, которая осуществлялась в рамках института инсэй, при котором страной фактически управлял дайдзэ тэнно — император на покое, называвшийся императором-монахом из-за

1 Бобков А.И. Нравственность и религия // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 127-130.

принятия пострига. Этои институт возник в 1086 г. и просуществовал до реставрации Мейдзи (1868 – 1889).

В-третьих, институт государственной власти во многом формировался с помощью лиц, посвятивших себя церкви, обладавший как значительно большим, чем многие современники запасом знаний, так и большее высоким чувством ответственности. Отдельные государства в своей истории имели опыт теократии, при которой гражданская и духовная власти сосредотачивались в одном лице². Теократия была способна приобрести имперский масштаб (халифаты Омейядов и ранний — Аббасидов). Она могла реализоваться и в местном масштабе (правление Джироламо Савонаролы во Флоренции, 1494 – 1498, годы наибольшего влияния Жана Кальвина, в Женеве, период существования колонии Массачусетского залива). Кроме того, появление теократических форм правления создавало потребность в их обобщении, например, в моделях папоцезаризма (от лат. *papa* — папа и *caesar* — цезарь). Согласно им, высшее духовное лицо — папа — обладает высшей светской властью. А в модели цезаропапизма светский глава выступает еще и первым церковным иерархом³. Теократии в своеобразной форме существуют и сейчас: Святейший Престол; Автономное монашеское государство Святой Горы Афон; исламские государства, имеющие ислам в качестве политико-правовой основы государственного управления (Саудовская Аравия, Иран); Андорра, где одним из двух глав «парламентского княжества» является епископ Урхельский. Приведенные примеры указывают на е жизнеспособность теократической модели и в наши дни.

Сейчас обращение к непосредственной практике тео-

2 Герье В.И. Расцвет западной теократии. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1916; Тюрин Е.А. Теократический фактор в политике. Орел: ОРАГС, 2009; Roshwald M. Theocracy in Israel in antiquity and today. // Jewish Journal of Sociology. 1972. № 14. P. 5-42.

3 Дагрон Ж. Восточный цезаропапизм: История и критика одной концепции / Пер. С.А. Иванова // GENNADIOΣ. М.: Индик, 2000. С. 80-99.

кратии встречается крайне редко. Однако и в прошлом ее применение не было частым. Поэтому полезно обратиться к тому опыту, когда на вершину управленческого Олимпа в государстве поднимались непосредственно священнослужители, имеющие весьма солидный духовный сан. Выясняется, что и таких примеров очень мало. И все же накопленный багаж позволяет говорить о наличии нескольких закономерностей, которые касаются эпохи пребывания данного священника оказывается на государственной службе, самой его личности и особенностей как внутривнутриполитического положения страны, так и ее внешнеполитического окружения в данный период. Такие можно извлечь из биографии всего трех персон: кардиналов Ришельё и Мазарини, архиепископа Макариоса III.

Имена кардиналов Ришельё и Мазарини связаны с формированием во Франции XVII столетия национального государства. Благодаря активности этих кардиналов Католической церкви произошло закрепление в качестве основы государственности принципа суверенитета и создание после завершения Тридцатилетней войны (1618 – 1648) первой системы международных отношений, получившей не только название Вестфальской, но еще и системы Ришельё. Ею были установлены правила взаимодействия государств, сохраняющие актуальность и в XXI в. Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришельё (1585 – 1642) вошел в историю как государственный секретарь по военным и иностранным делам (1616 – 1617) и первый министр короля (1624 – 1642). Вынужденный отказаться от военной карьеры для поддержки благосостояния своей семьи, в 22 года он был посвящен в сан епископа Люсонского. Ришельё являлся депутатом от духовенства Генеральных штатов (1614). Еще до занятия высоких государственных постов он размышлял над порядком управления государством, излагая свои идеи в «Политическом завещании»

(франц. *Testament politique*). Положение в стране в то время, по его мнению, было плачевным. Его Ришельё характеризовал так: «Когда Вы, Ваше Величество, соблаговолили призвать меня в Ваш Совет и оказать значительное доверие в ведении Ваших дел, то могу удостоверить, что гугеноты разделяли с Вами власть в государстве, вельможи вели себя так, словно не были Вашими подданными, а губернаторы провинций чувствовали себя суверенами своих земель...Союзы с иностранными государствами были в запущенном состоянии. Каждый измерял свою заслугу своей дерзостью»⁴.

Ришельё был уверен что потребуется много времени для исправления ситуации⁵. Будучи назначенным первым министром короля, он проявил завидное терпение и выдержку в совершенствовании государственного управления и борьбе с противниками и усилению централизованной власти. Критическое отношение кардинала к Генеральным штатам привело к тому, что этот институт в стране не функционировал до 1789 г. А у преемников Генеральных штатов — парламентов — властью было отнято право письменных ремонтрансов (фр. *remontrance* — увещевание, предостережение). При Ришельё центральная власть вела систематическую атаку на провинциальные вольности. Интенданты, полномочия которых простирались достаточно широко, назначались на места из числа всецело зависящих от правительства чиновников. Также для укрепления центральной власти Ришельё постепенно заменял генерал-губернаторов главнокомандующими. Первый министр не отделял внутривластные интересы Франции от ее внешнеполитических целей, что обеспечило успех действий властей против я гугенотов, позволяло оттягивать вступление Франции в Тридцати-

4 *Testament politique du Cardinal de Richelieu. Édition critique publiée avec une introduction et des notes par Louis André. Paris: Robert Laffont, 1947. P. 93.*

5 *Терновая Л.О. Старания кардинала Ришельё // Государственная служба. 2003. № 1. С. 154-159.*

летнюю войну и вести поиск ближних и дальних союзников, включая Россию. Было введено совмещение торговых и политических договоров с иностранными государствами. В стране появилась регулярная армия. Франция стала морской державой, была заложена основа колониальной империи. С 1631 г. начала издаваться первая национальная газета, где периодически публиковал заметки сам кардинал. Была учреждена Французская академия.

Поучительно, что Ришельё опирался на помощь единомышленников. Некоторые из них также принадлежали к духовенству. Самым близким его сподвижником являлся отец Жозеф, монах Ордена капуцинов, носивших рясу серого цвета, за что и получил прозвище «серый кардинал». Выдающийся писатель Олдос Хаксли написал книгу об отце Жозефе «Серое преосвященство», где размышляет о том, могли ли сочетаться в одной личности политический ум и мистика, личное благочестие и политическая беспощадность, возвышенные цели и жестокие средства⁶. Такие же противоположности были присущи натуре самого кардинала Ришельё, фигура которого при жизни и после смерти вызывала множество споров. Но такие же противоречивые черты мы обнаруживаем у большинства государственных реформаторов.

Преемником Ришельё на посту первого министра Франции стал Джулио Мазарини (1602 – 1661)⁷, который до этого в своем послужном списке имел различные церковные должности, включая секретарство у папского нунция в Милане. В разгар Тридцатилетней войны, в 1630 г., Мазарини исключительно эффектно выполнил дипломатическое поручение по доставке французской и испанской армиям документа о мире. На коне он появился перед войсками, когда до начала сражения оставались

6 Хаксли О. Серое Преосвященство: Этюд о религии и политике / Пер. с англ. В. Гольшева, Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

7 Губер П. Мазарини / Пер. с фр. Л. Тарасенковой, О. Тарасенкова. М.: Кронпресс, 2000; Иволина Л.И. Мазарини. М.: Молодая гвардия, 2007.

лишь мгновения, с криком «*Pace! Pace!*» («Мир! Мир!»). Приглашение итальянцу перейти на французскую службу поступило после его знакомства с Ришельё. И благодаря ему же Мазарини становится кардиналом в 1641 г. После смерти своего покровителя занимает его государственный пост, продолжая действия во внутренней и внешней политике, начатые Ришельё. Мазарини удается подавить сопротивление знати и масс, вошедшее в историю, как Фронда (фр. *Fronde* — праща).

Мазарини был одним из авторов Вестфальского договора, который обеспечил Франции лидерство в Европе. Он сумел заключить соглашение с лордом-протектором Англии Оливером Кромвелем и создать антигабсбургскую Рейнскую лигу в Германии. В 1659 г. Мазарини подписал Пиренейский мир — договор между Францией и Испанией. Во внешней политике интересы Мазарини не были не ограничены установлением мира с соседними государствами, а преследовали цель укрепления позиций Франции и на востоке Европы.

Кардинал Мазарини покровительствовал искусствам. Он собрал обширную библиотеку, ставшую основой старейшей публичной библиотеке во Франции. Известно, что Мазарини размышлял о возвращении на церковную службу после службы государственной, планируя стать римским папой. Однако судьба распорядилась иначе. Не справляясь с тяжелой болезнью, он перед смертью оставил Людовику XIV советы, которые сам король и зафиксировал: «Я должен блюсти права, иммунитеты и привилегии Церкви; [...] что касается дворянства — это моя правая рука, и я должен ценить его [...]; что до членов парламента, следует уважать их, но, что крайне важно, не допускать того, чтобы представители этой профессии злоупотребляли своей свободой [...]; как добрый король, я должен облегчать участь своего народа [...] во всех случаях налогообложения [...]; я должен позаботиться о том,

чтобы каждый знал, что я господин...»⁸.

Следует учесть, что Ришельё и Мазарини при всей широте полномочий не являлись самостоятельными правителями. Но свободу действий они имели, могли находиться в согласии с решениями короля и та, а могли противостоять ей. И все ж без одобрения монарха решения первых министров вряд ли бы осуществлялись. Однако есть лишь единственный пример совмещения священнослужителем в одном лице высшей духовной и высшей светской власти. Этот пример связан с именем Блаженнейшего Архиепископа Новой Юстинианы и всего Кипра (1950 – 1977) и президента Республики Кипр (1960 – 1977) Макария (Макариос) III⁹. Им был возрожден античный титул правителя — этнарх (др.-греч. ἐθνάρχης, из ἔθνος — народ и ἀρχων — правитель)¹⁰, уходящий в 1571 г. Тогда в целях удержания власти над 85-тысячным христианским населением острова, отбитого у венецианцев, турки-османы согласились провозгласить главу Кипрской Церкви также главой общности людей-единоверцев, проживающих на определенной территории, так называемого православного «миллета». Жизнь Михалиса Мускоса, так на самом деле звали будущего лидера кипрского народа, была полна сложных поворотов и чудесных спасений. Во многом она совпадала с судьбой Кипра, для которого труднейшими оказались 1963 – 1964 гг. В это время происходили столкновения греческой и турецкой общин острова. Урегулированием конфликта занимались миротворческие силы ООН. Северная часть острова оказалась оккупированной Турцией. Макариос возглавил южную часть. Он опирался на широкую политическую коалицию и апеллировал к

8 Цит. по: *Птифис Ж.-К.* Людовик XIV. Слава и испытания / Пер. с фр. И.А. Эгинти. СПб.: Евразия, 2008 // URL: <https://history.wikireading.ru/196744>.

9 *Венедиктов В.Ю., Мельков А.С.* Христианнейший из президентов // Независимая газета. 2011. 2 ноября.

10 *Хошев А.Ю.* Этнархия: типология светской власти духовенства в истории Восточной Европы // *Власть*. 2016. № 9. С. 142-146.

международным общественным объединениям, в том числе к Движению неприсоединения. Макариос даже получил прозвище «Средиземноморский Кастро» по аналогии с активным участником этого международного процесса кубинским лидером Фиделем Кастро. Хотя здесь можно увидеть неточность, поскольку Кастро еще в 1962 г. был отлучен папой Иоанном XXIII от церкви за организацию революции на острове Свободы на основании Декрета против коммунизма папы Пия XII от 1949 г.¹¹. Однако имеются источники, утверждающие, что такого отлучения не было, развитие Кубы и при коммунистах не исключало их контактов с деятелями церкви.

Перечисленным выше выдающимся государственным лидерам удавалось совмещать духовные звания и светские обязанности. Но такая способность была присуща единицам. Даже те политики и государственные деятели, которые не имели духовного сана, а являлись глубоко верующими, могли придать своей государственной светской миссии особый, религиозный оттенок. Как пример можно привести факты из жизни Вудро Вильсона, 28 президента США, который готовился стать служителем пресвитерианской церкви, с этой целью поступил в 1873 г. в Дэвидсонский колледж в Северной Каролине, присоединился к Колумбийской Первой Пресвитерианской Церкви. Из-за болезни Вильсон был вынужден покинуть колледж, а далее он занялся политической карьерой. При этом в политической жизни Вильсона было множество случаев, когда он мог проявить ноты своего религиозного призвания, в частности, эту картину мира он связывал с внешней политикой Соединенных Штатов, что следовало из анализа знаменитых «14 пунктов» или предложений США по Версальскому договору и уставу Лиги Наций.

Имеется и такая связи религиозных институтов и го-

¹¹ Decree against communism // URL: <http://www.montfort.org.br/eng/documentos/decretos/anticomunismo>.

сударственных лидеров, которая проявляется в поддержке их активности последних в духе церкви. Так, Орден францисканцев вознаграждает усердия руководителей государств вручением «Лампады мира», которая символизирует послание святого Франциска Ассизского «Господи, сделай меня орудием Твоего мира... Там, где тьма – приносить свет». Лауреатами награды в разные годы были: экс-президент Польши Лех Валенса, далай-лама, мать Тереза, президент Колумбии Хуан Мануэль Сантос, папа римский Франциск, канцлер Германии Ангела Меркель, король Иордании Абдалла II.

Пребывание религиозного деятеля на вершине государственного управления редкий случай. Именно такая уникальность подобного опыта, позволяет говорить о трудностях, которые неминуемо возникают у человека, стремящегося придерживаться основ канонической культуры не только в церкви, но и в политике, а ее мир многие люди не относят к высокоморальным. Однако примеры занятия высших государственных постов рассмотренными выше фигурами, относящимися к церкви, показывают, что их управленческая эффективность во многом была обязана вере и религиозному воспитанию, которое приучало к дисциплине, самопожертвованию, умению видеть цель и ее добиваться. В описанных выше случаях религиозные и государственные цели совпадали. Но также можно сделать вывод о том, что в трудные для государства годы бразды правления оказывались если в руках и не религиозных деятелей, а светских, то и они обладали таким качествами, которые формировались религиозной культурой.

References

- [1] Bobkov A.I. Morality and religion // Higher education in Russia. 2005. № 5. P. 127-130.
- [2] Venediktov V.Yu., Melkov A.S. The most Christian of presidents // Nezavisimaya Gazeta. 2011. November 2.
- [3] Dagron J. Eastern Caesaropapism: History and criticism of one concept / Per. S.A. Ivanova // GENNADIOΣ. M.: Indrik, 2000. P. 80-99.

- [4] Ger'e V.I. Rise of Western theocracy. M.: T-vo "Printing S.P. Yakovlev", 1916. 354 p.
- [5] Huber P. Mazarin / Per. from fr. L. Tarasenkova, O. Tarasenkova. M.: Kron-press, 2000. 512 p.
- [6] Ivonina L.I. Mazarin. M.: Young Guard, 2007. 303 p.
- [7] Petifis J.-K. Louis XIV. Glory and trials / Per. from fr. I.A. Egypti. St. Petersburg: Eurasia, 2008. 382 p. // URL: <https://history.wikireading.ru/196744>.
- [8] Ternovaya L.O. The efforts of Cardinal Richelieu // Public Service. 2003. № 1. P. 154-159.
- [9] Tyurin E.A. Theocratic factor in politics. Eagle: ORAGS, 2009. 192 p.
- [10] Huxley O. Gray Eminence: A Study on Religion and Politics / Per. from English. V. Golyshhev, G. Dashevsky. M.: Moscow school of political research, 2000. 320 p.
- [11] Khoshev A.Yu. Ethnarchy: a typology of the secular power of the clergy in the history of Eastern Europe // Power. 2016. № 9. P. 142-146.
- [13] Roshwald M. Theocracy in Israel in antiquity and today // Jewish Journal of Sociology. 1972. № 14. P. 5-42.
- [14] Testament politique du Cardinal de Richelieu. Édition critique publiée avec une introduction et des notes par Louis André. Paris: Robert Laffont, 1947. 525 p.

Библиографический список

- [1] Бобков А.И. Нравственность и религия // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 127-130.
- [2] Венедиктов В.Ю., Мельков А.С. Христианнейший из президентов // Независимая газета. 2011. 2 ноября.
- [3] Дагрон Ж. Восточный цезаропапизм: История и критика одной концепции / Пер. С.А. Иванова // GENNADIOΣ. М.: Индрик, 2000. С. 80-99.
- [4] Герье В.И. Расцвет западной теократии. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1916. 354 с.
- [5] Губер П. Мазарини / Пер. с фр. Л. Тарасенковой, О. Тарасенкова. М.: Kron-пресс, 2000. 512 с.
- [6] Ивоина Л.И. Мазарини. М.: Молодая гвардия, 2007. 303 с.
- [7] Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания / Пер. с фр. И.А. Эгипти. СПб.: Евразия, 2008. 382 с. // URL: <https://history.wikireading.ru/196744>.
- [8] Терновая Л.О. Старания кардинала Ришелье // Государственная служба. 2003. № 1. С. 154-159.
- [9] Тюрин Е.А. Теократический фактор в политике. Орел: ОРАГС, 2009. 192 с.
- [10] Хаксли О. Серое Преосвященство: Этюд о религии и политике / Пер. с англ. В. Гольшьева, Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 320 с.
- [11] Хошев А.Ю. Этнархия: типология светской власти духовенства в истории Восточной Европы // Власть. 2016. № 9. С. 142-146.
- [12] Decree against communism // URL: <http://www.montfort.org.br/eng/documentos/decretos/anticomunismo>.
- [13] Roshwald M. Theocracy in Israel in antiquity and today // Jewish Journal of Sociology. 1972. № 14. P. 5-42.
- [14] Testament politique du Cardinal de Richelieu. Édition critique publiée avec une introduction et des notes par Louis André. Paris: Robert Laffont, 1947. 525 p.

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

**Культурологическая модель политического лидерства:
священнослужитель на вершине государственной власти**

Аннотация. В статье рассмотрены примеры подвижнической деятельности священнослужителей, находящихся на вершине государственной власти. Немногочисленные примеры кардиналов Ришельё, Мазарини и кипрского президента архиепископа Макариоса III подтверждают наличие закономерности выдвижения на такие посты не просто верующих людей, а обладающих церковным саном лиц. Эти закономерности отражают обостренную внутри- и внешнеполитическую ситуацию, необходимость установления внутреннего и внешнего мира, для чего государству и обществу от лидера нужны не только опыт и ум, но и готовность к решительным действиям, понимаемым как собственная миссия.

Ключевые слова: религия, власть, государственная служба, теократия, папоцезаризм, личность.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the International Publishing Center «Ethnosocium».

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Culturological model of political leadership: a clergyman at the top of state power

Abstract. The article considers examples of the ascetic activities of clergy at the top of state power. A few examples of cardinals Richelieu, Mazarin and the Cypriot president, Archbishop Makarios III, confirm the regularity of the nomination to such posts not only of believers, but of those with church rank. These patterns reflect an aggravated domestic and foreign political situation, the need to establish internal and external peace, for which the state and society from the leader need not only experience and intelligence, but also a willingness to take decisive actions, understood as their own mission.

Key words: religion, power, public service, theocracy, papocae-sarism, personality.

Агамиров Н.И.

Кандидат политических наук, профессор,
Российская академия адвокатуры
и нотариата, действительный
член Российской академии социальных наук.

**Общность национальных традиций
и исторической ответственности общества***

Социум, который не имеет традиций, можно сравнить с деревом, не обладающим корневой системой. Как только любое общество начинает задумываться о том, откуда берутся начала его культуры, языка, власти, возникает о понятие «традиция». Его современный смысл идет от латинского глагола «*tradere*», означающему «передавать». Изначально передача знаний от старших младшим происходила в прямом, т.е. физическом, виде, по модели поведения «делай, как я». Но очень быстро у людей выявилась потребность закреплять полученную информацию не только путем непосредственного научения, а через стимулирование вхождения человека в процесс социального взаимодействия, передавая ему свои пожелания здоровья, добра, счастья, сладкой жизни и пр.

Поскольку те смыслы, что посылались таким путем, тоже были получены от кого-то раньше, то сам акт передачи знаний, навыков, умений, практик и пожеланий составлял цепочку взаимосвязанных действий. Бесчисленность подобных цепочек, касающихся самых разных сторон социальной реальности, приводила к тому, что

* © Агамиров Н.И., 2021.

клубок традиций оплетал все общество, которое позже стали называть традиционным¹.

При всей привлекательности традиционного общества нельзя не отмечать его недостатков с точки зрения современного человека. Это — общество достаточно жесткой иерархии, обладающее строгой системой социальной регуляции, в нем преобладает аграрное производство, а социальная мобильность его членов находится на весьма низком уровне. Однако, за формулировкой «традиционное общество» скрывается и то, что стремительно теряется людьми, живущими в постиндустриальную эпоху. Уходит почитание традиций, искреннее преклонение перед ритуалами, красота календарных обрядов и, главное, то, что стало обозначаться термином «традиционные ценности», заменяемые на ценности «универсальные»².

В результате такого ускоренного замещения традиционных ценностей универсальными первые оказались удобным объектом стигматизации. Это понятие также было позаимствовано у общества традиции. Но при этом современный мир не учел того, что для стигматизированного человека в прошлом не было принципиально значимым, как к нему «по-настоящему» относятся другие люди³. Выше этого была его вера в справедливость высшего начала. В наше время для индивида важно осознавать, какую долю ответственности принимают на себя лица, прикре-

1 Бондырева С.К., Колесов Д.В. Традиции. Стабильность и преемственность в жизни общества / Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004; Полонская И.Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2006.

2 Ильин И.В., Леонова О.Г. Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. №1. С. 3-10; Терновая Л.О. Раздел Б. Религиозные ценности в современной мировой политике: Глава 7. Ценностная база креативного потенциала государства в постсекулярной реальности // Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под редакцией П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2012. (Библиотека факультета политологии). С. 93-108.

3 Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.

плюющие к другим социальные ярлыки.

Перелом отношения индивида к оценкам не только традиционного общества, но самого понятия «традиция» восходит к обыденному сознанию эпохи модерна⁴. Хотя у современных исследователей нет единого понимания хронологических границ той прекрасной эпохи, они чаще всего в их представлении совпадают с последней третью XIX столетия. Именно тогда в Старом Свете развернулись активные процессы индустриализации, урбанизации и международной миграции. Благодаря новым средствам коммуникации, преодолевались и расстояния, и социальные барьеры.

Особенностью эпохи модерна было то, что кардинальные научно-технические перемены вызывали столь же радикальное изменение сознания. Рост рациональности мышления сопровождался отходом от сложившихся социально-политических практик, что означало и забвение многих традиций. По сравнению с традиционным обществом неизмеримо возросли темпы социальной мобильности. Она проявлялась не только в резком увеличении насыщенности людьми разных культур и национальностей миграционных потоков, но и в затребованной временем профессиональной мобильности. Ремесло предков уже не находило применения, становилось экономически невыгодным. Занятым в традиционных производствах работникам необходимо было заботиться о своем образовании, получении новых профессиональных навыков, порой в совершенно новых областях деятельности, а чаще всего еще и в других территориях.

Значимое отличие традиционного общества и общества модерна проявилось в новых механизмах социальной адаптации, отвечающих переменчивому характеру социально-экономической и политической среды. Обсто-

⁴ Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2-х кн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004.

ательства, в которых протекала жизнедеятельность человека, тоже становились мобильными, порой изменчивыми до неузнаваемости. Эта изменчивость наблюдалась повсеместно: в экономике, политическом ландшафте, идеях, моде и т.д. До тех пор, пока эти механизмы не заработали в полную силу, общество модерна не было готово к принятию новой ритмики социально-политических спадов и подъемов.

Основная причина такого качества общества модерна состояла в том, что при отсутствии четкой картины будущего оно еще исключительно сильно зависело от прошлого. У молодого социума модерна не хватало сил для того, чтобы сформировать адекватную его запросам гражданскую политическую культуру, без которой невозможна подлинная, а не иллюзорная демократия, в которой больше лозунгов и крика, чем глубокого понимания потребностей меньшинства, с которыми не может не считаться большинство⁵. Именно в этом кроется главный источник неприятия эпохой модерна традиционного общества, которое виделось за редчайшим исключением как общество авторитарное. А с этим отклонялась и сама идея традиции. В понятие «традиция» в период модерна стали вкладывать смысл утраты новизны. Ее суть ложно осознавалась как препятствие развитию из-за отсутствия потребности в критическом осмыслении ситуации, а также из-за жесткого следования новым канонам политического поведения.

На самом деле смысл традиции совсем иной. Традиция в первую очередь означает наличие особой связи человека и общества с социальным временем⁶. Лишь в контексте единства традиции с социальным временем становится

5 Немчук А.А., Терновая Л.О. Политология международных отношений (Курс лекций). М.: Интердиалект+, 2004.

6 Вознесенский И.С. Времена и нравы в экономическом ракурсе // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110). С. 73-79; Вознесенский И.С. Расширение предметного поля наук о времени как веление нашей эпохи // Власть истории и история власти. Том 6. Часть 3. 2020. (№ 21). С. 458-467.

ясным, что в традиции скрыто сложное, всегда значимое для множества людей содержание. В частности, в таком содержании обнаруживаются нити, соединяющие историю с гражданским опытом.

Корни этого опыта и возможность его самооценки индивидом лежат в мироощущении человека, в том числе в статусе гражданства. В формировании такой самооценки, которая отражала идентичность личности, было пройдено несколько этапов. Первый из них был связан с идеей подданства. Исторический фон этого первого юридически обозначенного состояния индивида определялся движением от рабовладельческого сообщества свободных граждан к феодальной иерархии сеньоров и вассалов. В марксистском понимании то было движение от порядка собственников, оформлявшегося в античную этику государственности, к порядку «держателей», оформлявшемуся в персоналистско-корпоративную этику личного служения и личной верности⁷. Эту картину необходимо расширить, отметив в качестве одного из социально-политических устоев того общества верность традиции. Эта модель, в свою очередь, формировала представление от ответственности индивида, его семьи, рода, клана непосредственно перед монархом.

В Новое время началась ломка данной модели. О том, как происходило изменение представлений от ответственности личности, менялось ее понимание как подданного на восприятие себя как гражданина, можно судить по работе немецкого юриста, философа и историка Самуэля фон Пуфендорфа (1632 – 1694) «О должности человека и гражданина согласно естественному праву» (1673). В ней он уже не только разграничил понятия «подданный» и «гражданин», но и четко отделил обязанности человека от обязанностей гражданина. Затем французский фило-

7 Маркс К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1956. С. 554-555.

соф, писатель, теоретик искусства, создатель «Энциклопедии», выступающий одним из идейных лидеров эпохи Просвещения Дени Дидро (1713 – 1784) сформулирует положение о жестких социальных отличиях гражданства от подданства. Это отличие, по его мнению, состояло в том, что подданный поставлен к государю в такое же отношение, как гражданин к законам. «Название «гражданин» не подходит к живущим в подчинении или в разобщенности; отсюда вытекает, что живущие в совершенно природном состоянии, как суверены, и совершенно лишенные этого состояния, как рабы, совсем не могут рассматриваться в качестве граждан, если считать, что возможно разумное общество, которое обладает неизменной моральной сущностью, стоящей выше физической личности государя»⁸.

Суммируя сформулированные мыслителями периода Просвещения отличия гражданства и подданства, нельзя не заметить, что в состоянии подданства они находили проявление в сберегаемой обществом и личностью традиции. Подданный в полной мере представлял субстрат власти, даже при своем физическом пребывании вне пространства этой власти. Это отражало функцию традиции, заключающуюся в соединении индивида и того конкретного социума, в котором он вырос, где сформировалась его личность, определился его социально-политический выбор.

В отличие от подданства гражданство означает устойчивую политико-правовую связь человека с государством. Согласно такой связи, на человека распространяется суверенная государственная власть как на территории государства, так и вне ее, а сам он при этом, обладая определенной совокупностью прав и обязанностей, установленных законодательством данного государства, может пользоваться его защитой и покровительством. Представления

⁸ Статьи из Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Encycl/enc-08.htm>.

о гражданстве включают также представления о возможности отрыва от прямой связи индивида с территорией государства, хотя это не исключает обязанности государства защищать определенные права и интересы индивида вне зависимости от того, на какой территории этот индивид находится.

Важно, что отличия территорий мы понимаем не только как географические различия, но и исторические. Для каждой территории свойственен свой набор традиций. В качестве примера можно привести Австрию, которую с полным правом можно назвать одной из самых либеральных стран Европы, однако, в ней встречаются и рудименты старой социальной системы. В этом успешном в экономическом плане государстве иностранные рабочие, иммигранты и цыгане, давно имеющие австрийское гражданство, сохраняют довольно неустойчивый социальный статус. При этом влиятельные семейства, способные отследить свою историю на этой земле на несколько поколений назад, пользуются заметным авторитетом и с успехом в качестве носителя национальной традиции заменяют почти исчезнувшую аристократию.

Приверженность традициям сильнее ощущается в странах с относительно небольшой территорией. Там наблюдается своеобразный процесс сжатия пространства и времени. Поэтому сохранение традиции в таких государствах служит своеобразным гарантом того, что власть, как центральная, так и местная, сможет обеспечить защиту своих граждан. Так, одной из стран, сохраняющих особое почтение к традициям, является Андорра. Одна из основных традиций управления Андорры начинается с договора 1278 г. Акта-пареажа. Согласно ему, до 1993 г. князьями-соправителями Андорры являлись глава французского государства (с конца XIX в. Президент Французской республики) и испанский епископ Урхельский, которые официально носили титулы князей Андорры и

были формальными соправителями. Традицией было то, что более четырехсот лет Андорра расплачивалась со своими «князьями» только наличными деньгами, которые в «мешках» передавали им из рук в руки. В 1978 г. андоррцы установили скульптуру, автором которой стал Луиджи Терруджи, посвященную 700-летней годовщине подписания Акта-пареажа.

Вышеприведенный пример Австрии также любопытен тем, что он касается федеративного государства⁹. Каждый из субъектов этой федерации имеет заметные отличия от соседей, как по этническому составу населения, так и по традициям и обычаям. Издревле Альпы служили естественными границами земель, так, что даже соседние долины оказывались изолированными друг от друга. В них развивались собственные диалекты, постройки, одежда, кулинария, фольклор. Это заметно и в наши дни. Все дело в том, что организация государственной территории может породить институт многогражданства, т.е. принадлежности лица одновременно к гражданству двух и более государств, подтверждающаяся соответствующими документами.

Многогражданство возможно в государствах, общая территория которых сформирована из территорий, исторически составляющих государственные образования. Тогда культурно-исторические традиции соответствующего общества могут оказаться в определении гражданства более значимыми, чем размеры территории государства и степень его централизации. Например, в Швейцарии при принятии гражданства кантона именно федеральное гражданство является производным. А в Соединенных Штатах Америки первичным является гражданство федерации, а производным — гражданство того или иного

⁹ Терновая Л.О. Влияние национальных и федеративных отношений на развитие государственной символики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Специальный выпуск «Единство — в многообразии». 2013. № 5 (21). С. 125-135.

штата. Но штаты стараются закрепить этого гражданство, вводя собственные символы и устанавливая отличные от других штатов традиции. Если флаг, гимн, цветок, дерево, животное можно отнести к символам, то выбор штатами печенья или песни становится началом традиции, заключающейся в сохранении особого рецепта приготовления печенья или в специфическом характере исполнения музыкального произведения.

Третий этап оценки связи традиции и гражданства начался относительно недавно. Некоторые авторы объясняют переход к нему изменением мировой обстановки после холодной войны. Правильнее рассматривать этот процесс в рамках глобальных перемен, определяемых немыслимой ранее плотностью переплетения различных факторов взаимозависимости. Немецкий философ и социолог, профессор Франкфуртского университета имени Иоганна Вольфганга Гёте, (нем. *Goethe-Universität Frankfurt am Main*), создатель теории коммуникативного действия Юрген Хабермас пишет, что «синдром гражданского приватизма и исполнение роли гражданина, которое руководствуется только интересами клиента, становятся тем более вероятными, чем сильнее экономика и государство, которые институционализированы через те же самые права, вырабатывают в себе некое системное своеобразие и оттесняют граждан на периферийные роли простых членов организации. Системы хозяйства и управления имеют тенденцию изолироваться от мира, окружающего их, и следовать только собственным императивам денег и власти. Они взрывают модель сообщества, которое самоопределяется с помощью совместной практики самих граждан. Фундаментальная республиканская идея политически сознательной интеграции “сообщества” свободных и равных явно слишком конкретна и слишком проста для современных отношений, во всяком случае, тогда, когда апеллируют к нации или вообще к некоему этнически гомогенному, свя-

занному общими традициями сообществу исторической судьбы»¹⁰. Как бы ни была, по словам Хабермаса, слишком конкретна и слишком проста для современных отношений фундаментальная республиканская идея политической сознательной интеграции «сообщества» свободных и равных, властям она часто представляется недостаточно прочно укорененной в сознании самих граждан, а потому становится предметом для зарождения новой традиции, укрепляющей социум.

Смыслы традиции многообразны. Современное общество, которое часто идентифицируют как постмодернистское, отказалось от неприятия традиции, практикуемого обществом модерна. Но не вернулось и к раннему проявлению трепетного отношения к традиции. Более того, на том же самом историко-политическом поле, где идет процесс переосмысления роли традиции и ее места в современной политической культуре, разворачиваются настоящие сражения, известные как «войны памяти». Поставить непроницаемые перегородки между этим процессами невозможно. Однако есть шанс использовать традицию как политический инструмент исторической ответственности, который поможет определить того, кто должен быть победителем из этих «войн памяти».

References

- [1] Bondyreva S.K., Kolesov D.V. Traditions. Stability and continuity in the life of society / Ros. acad. education, Moscow. psycho-social in-t. M.: Publishing House of Moscow. psycho-social in-ta; Voronezh: Publishing House of NPO "MODEK", 2004. 275 p.
- [2] Voznesensky I.S. Times and mores in the economic perspective // Ethnosocium and inter-ethnic culture. 2017. № 8 (110). P. 73-79.
- [3] Voznesensky I.S. Expansion of the subject field of sciences about time as a dictate of our era // Power of history and history of power. 2020. Volume 6. Part 3. № 21. P. 458-467.
- [4] Ilyin I.V., Leonova O.G. Global universal values and humanitarian technologies in international politics // Bulletin of Moscow University. Series 27. Global studies and geopolitics. 2018. № 1. P. 3-10.
- [5] Marx K. From early works / K. Marx, F. Engels; Institute of Marx-Engels-Lenin-Stalin under the Central Committee of the CPSU. M.: Gospolizdat, 1956. VIII, 689 p.
- [6] Nemchuk A.A., Ternovaya L.O. Political science of international relations (course of lectures). Moscow: Interdialect+, 2004. 180 p.

¹⁰ Хабермас Ю. Проблемы гражданства. // URL: <http://www.hrights.ru/text/b7/Chapter5.htm>.

- [7] Polonskaya I.N. Tradition: from sacred foundations to the present. Rostov n / a.: Publishing house Rost. un-ta, 2006. 272 p.
- [8] Articles from the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Encycl/enc-08.htm>.
- [9] Ternovaya L.O. Influence of national and federal relations on the development of state symbols // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). Special issue "Unity in Diversity". 2013. № 5 (21). P. 125-135.
- [10] Ternovaya L.O. Section II. Religious Values in Modern World Politics: Chapter 7. The Value Base of the State's Creative Potential in Post-Secular Reality // Universal Values in World and Foreign Policy / Edited by P.A. Tsygankov. Moscow: Moscow University Press, 2012. (Library of the Faculty of Political Science). P. 93-108.
- [11] D. Travin, O. Margania. European Modernization. In 2 books. M.: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2004. Book. 1. 665 p. Book. 2. 572 p.
- [12] Хабермас Ю. Проблемы гражданства. // URL: <http://www.hrighs.ru/text/b7/Chapter5.htm>.
- [13] Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 147 p.

Библиографический список

- [1] Бондырева С.К., Колесов Д.В. Традиции. Стабильность и преемственность в жизни общества / Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. 275 с.
- [2] Вознесенский И.С. Времена и нравы в экономическом ракурсе // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110). С. 73-79.
- [3] Вознесенский И.С. Расширение предметного поля наук о времени как веление нашей эпохи // Власть истории и история власти. 2020. Том 6. Часть 3. № 21. С. 458-467.
- [4] Ильин И.В., Леонова О.Г. Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. №1. С. 3-10.
- [5] Маркс К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1956. VIII, 689 с.
- [6] Немчук А.А., Терновая Л.О. Политология международных отношений (Курс лекций). М.: Интердиалект+, 2004. 180 с.
- [7] Полонская И.Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 272 с.
- [8] Статьи из Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Encycl/enc-08.htm>.
- [9] Терновая Л.О. Влияние национальных и федеративных отношений на развитие государственной символики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Специальный выпуск «Единство — в многообразии». 2013. № 5 (21). С. 125-135.
- [10] Терновая Л.О. Раздел II. Религиозные ценности в современной мировой политике: Глава 7. Ценностная база креативного потенциала государства в постсекулярной реальности // Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под редакцией П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2012. (Библиотека факультета политологии). С. 93-108.
- [11] Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2-х кн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. Кн. 1. 665 с. Кн. 2. 572 с.
- [12] Хабермас Ю. Проблемы гражданства. // URL: <http://www.hrighs.ru/text/b7/Chapter5.htm>.
- [13] Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 147 p.

Агамиров Н.И.

Кандидат политических наук, профессор, Российская академия адвокатуры и нотариата, действительный член Российской академии социальных наук.

Общность национальных традиций и исторической ответственности общества

Аннотация. Автор предпринимает погружение в такую сложную часть политической истории, которая соединяет основополагающие смыслы политической и правовой культуры, соединяя нити исторической памяти и традиции с осмыслением многозначности проблемы гражданской принадлежности. В статье доказано, что плодотворность такого подхода заключается в нахождении политических инструментов утверждения исторической ответственности.

Ключевые слова: политическая культура, история, традиция, власть, гражданство, ответственность, войны памяти.

Agamirov N.I.

Candidate of Political Sciences, Professor, Russian Academy of Advocacy and Notaries, full member of the Russian Academy of Social Sciences.

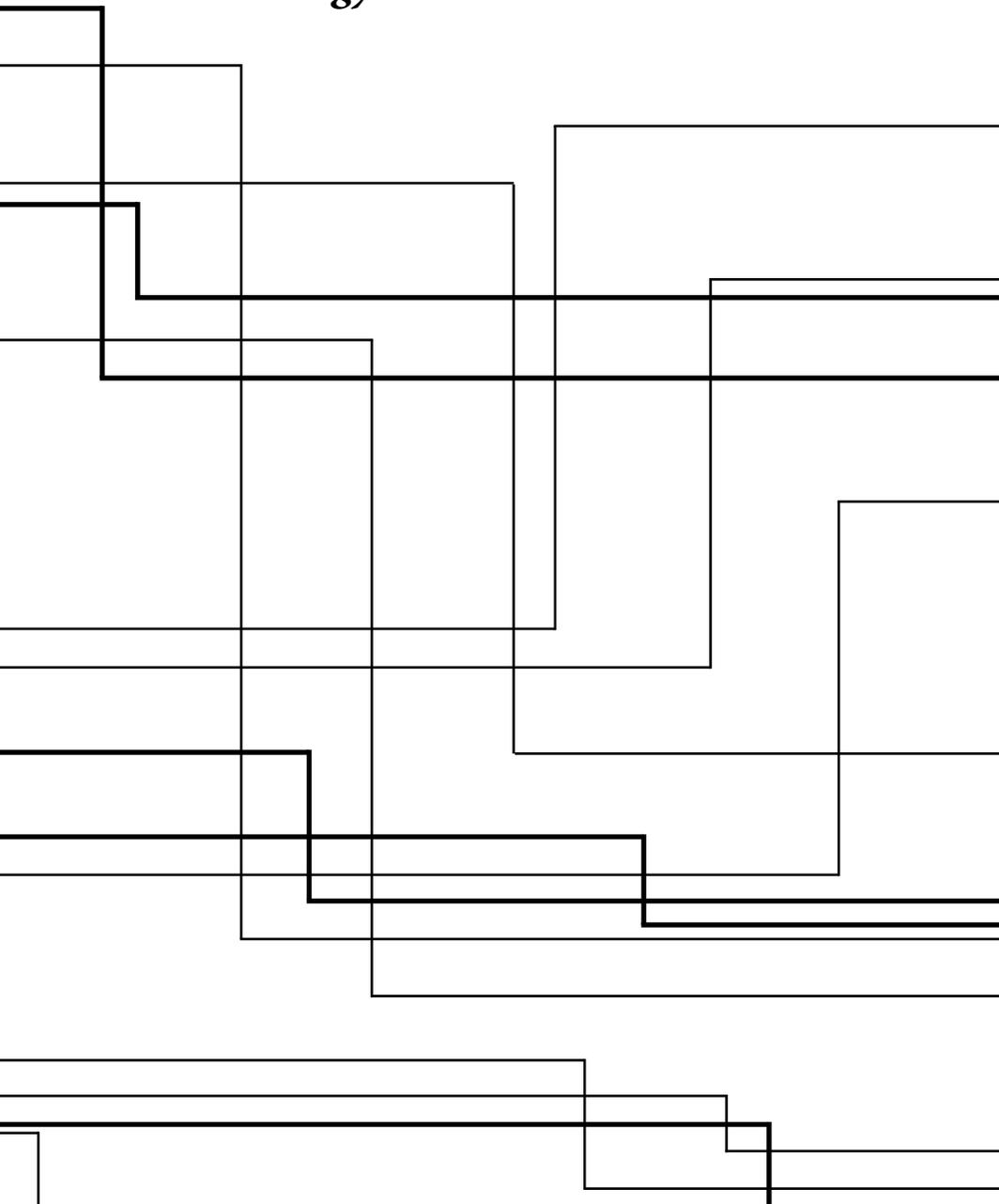
Commonality of national traditions and historical responsibility of the society

Abstract. The author undertakes an immersion in such a complex part of political history, which connects the fundamental meanings of political and legal culture, connecting the threads of historical memory and tradition with understanding the ambiguity of the problem of citizenship. The article proves that the fruitfulness of this approach lies in finding political tools for asserting historical responsibility.

Key words: political culture, history, tradition, power, citizenship, responsibility, memory wars.

Культурология

Culturology

Чебодаева М.П.

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС (г. Абакан).

Художник Егор Мейер (1822-1867) в Хакасии*

Имя русского востоковеда-путешественника I половины XIX века Петра Александровича Чихачева вписано большими буквами в изучение природы, истории и этнографии Хакасско-Минусинского края. Путешествовал П.А. Чихачев совместно с художниками Егором Егоровичем Мейером (1823-1867) и Иваном Константиновичем Айвазовским. Художник Е.Е. Мейер во время экспедиции в создал работы, связанные с Хакасией «Абаканский форпост (Арбаты)», «Гора на р. Арбаты близ Абакана», «Деревня Монок» и «Поток Бирикчуля». Подлинные работы художника Мейера пока не обнаружены, но репродукции с работ были опубликованы в газете «Иллюстрация». Путешествие П.А. Чихачева по Сибири продолжалось с февраля по декабрь 1842 года.

В 1842 году П.А. Чихачев служил в корпусе горных инженеров, который направил его в Алтайский горный округ Томской губернии, до того времени весьма малоизученный. Здесь Чихачев исследовал реки Абакан, Чуя, Чулышман, им были составлены геологическая карта Алтая, собраны богатые коллекции минералов и гербарий из 240 видов растений. Но, самым главным достижением географа П.А. Чихачева считается открытие им одного из крупнейших в мире Кузнецкого каменноугольного бассейна.

* © Чебодаева М.П., 2021.

Художник Егор Мейер (1822-1867) в Хакасии

Из Санкт-Петербурга путешественники выехали 1 марта 1842 года и ехали по маршруту Екатеринбург-Нижний Новгород-Казань на санях. Во время путешествия П.А. Чихачев вел дневник, где подробно останавливался на происходящих с ними интересных и увлекательных, а иногда и опасных событиях на территории современного Горного Алтая, Тувы и Хакасии. Маршрут путешественников пролегал далее в Барнаул и Бийск, а затем в Горном Алтае по Кошагачской степи через Курайский хребет на Башкаус, затем через перевал к реке Чулышман и к Телецкому озеру, далее к реке Алаш в Туве, затем к истокам реки Абакан в Западном Саяне и к устью реки Абакан в районе Минусинска.

В экспедиции П.И. Чихачева сопровождали два художника из Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге - это Егор Мейер и Иван Айвазовский. Караван состоял из 150 навьюченных лошадей, казаков и местных проводников алтайцев. Практика подобных путешествий требовала от художников максимально точного, документального отображения увиденного. Е.Е. Мейер и И.К. Айвазовский рассматривали меняющиеся окрестности через призму личного восприятия художников-пейзажистов. Необычные горные пейзажи, сюжеты вроде выпавшего снега летом, «крупные» видовые фрагменты рек и горные водопады вместо обязательных панорам свидетельствуют о влиянии на художников романтизма.

Природа Горного Алтая и Западного Саяна восхитила художника. Е.Е. Мейер и он оставил восторженно-романтические впечатления в «Отечественных записках» следующее: «Чем далее мы ехали, тем более соединялось все, то есть величие гор, ужас скал, мрак лесов, местами обгоревших, яркая зелень долин, роскошная растительность около рек Урсул и Малый Ильгумень. Эти две реки будто переговариваются между собой. Они летят в объятия друг друга и вместе стремятся, шумят, режут, пока не

заглушит их страшная Катунь... С трудом переводя дух, взобрался я на вершину и задрожал от восторга... Вдали, подобно океану, оледеневшему в буре, блистали вечные льды, меж которых, теряясь в светлом голубоватом тоне неба, зубчатым великаном поднималась Катунья Сайлан (Катунские столбы). В ущельях змеями вились туманы. Но где слова, где краски, чтобы передать эту картину?! Напрасно ломаешь голову, напрасно ищешь в красках тоны!.. Я посмотрел на все, потом на себя – что ж я? Невидная точка в этом огромном лабиринте!.. Я схватил альбом, но рука дрожала: мне казалось, я вижу живого Бога, со всею его силою, красотой, и мне стало стыдно, что я, бедный смертный, мечтал передать его образ!..» [1, с. 17-23].

26 июня 1842 года члены экспедиции добрались до реки Алаш в Туве, где произошла встреча путешественников с местными жителями-тувинцами. Чихачев писал так об этом: «При нашем приближении мужчины и женщины и совершенно голые дети выбегали из убогих жилищ. Они смотрели на нас со смешанным выражением удивления, любопытства и страха. Тувинцы довольно правильно поняли моего переводчика алтайца, тогда как константинопольское наречие (Чихачев владел турецким языком – прим. автора), на котором я попробовал заговорить с ними оказалось для них совершенно непонятным. Моя просьба предоставить каравану лошадей, продукты и проводников вызвала у них единогласный протест» [2, с. 169].

Художник Иван Айвазовский запечатлел эту встречу Чихачева с тувинцами в работе «Привал в Алашской долине». Где изобразил, стоящего справа самого путешественника П.А. Чихачева в экзотическом восточном костюме с колпаком на голове, который невольно бросался в глаза своим экзотическим видом, здесь в сибирской глубинке. Слева в работе изображена группа алтайцев и тувинцев, сидящая на корточках вблизи палаток путешественников, художник Айвазовский написал работу с натуры и пере-

дал облик реальных людей живших в то время.

Пять дней проведенных в долине реки Алаш не прошли даром П.А. Чихачев, составил орографическую карту данной местности, совершенно неизвестную до сих пор, а также собрал этнографические сведения о тувинцах.

Только 12 июля 1842 года путешественники вышли к реке Джебаш притоку Абакана, где им встретились казачьи поселения. Путешественник писал об этом так: «По мере спуска в долину все чаще и чаще попадались признаки европейской жизни. Мы радовались то засеянным полям, то каким- то хижинам, построенным наподобие русских изб. На эти избы алтайцы взирали с изумлением. Их лошади, не желая приближаться к таинственным предметам, шарахались в сторону и предпочитали держаться от них на почтительном расстоянии. Горы продолжали снижаться, и все, казалось, предвещало приближение мест обитания людей. Остановившись на берегу Джебаша в поисках брода, мы наконец имели счастье увидеть на некотором расстоянии всадника, в котором нетрудно было узнать казака. Заметив нас, о тотчас поскакал к нам галопом. Казак сообщил, что мы находимся на расстоянии трех часов ходьбы от поста, расположенного на Абакане. Он сказал также, что меня там ждут вот уже скоро три месяца» [3, с. 203].

Пост на Абакане о котором говорилось в дневнике Чихачева это Абаканский форпост (Арбаты), где путешественникам был устроен торжественный прием при въезде, когда казаки при полном параде отдавали военные почести Чихачеву. Окрестности Абаканского форпоста впечатлили путешественника и напомнили ему своими мягкими очертаниями холмы тосканской долины в Италии или некоторых местностей вблизи Вогезских и Юрских гор.

Абаканский форпост в то время состоял из 40 деревянных домов, заселенных казаками «станичниками». В окрестностях поста размещалось множество сагайских

юрт. Путешественника заинтересовали минусинские инородцы и он подробно описал этнические группы хакасов - качинцев, койбалов, сагайцев и бельтиров, места их проживания, жилище, занятие земледелием и кочеванием, охотой и разведением скота, верования и национальный характер минусинских инородцев.

15 июля 1842 года путешественники выехали из Абаканского форпоста в направлении Большого Монока, дорога до места назначения заняла около 5 часов. Эта деревня была заселена «государственными крестьянами», а также казаками и состояла из множества юрт сагайцев. Как и в Абаканском форпосте казаки устроили Чихачеву торжественный прием с воинскими почестями, выстроившись в ряд у въезда в деревню Большой Монок.

Следующая по маршруту путешественников была деревня Обетованная (современное название с. Бондарево - прим. автора), населенная людьми еврейского происхождения, переселенцами из Саратова с числом жителей 100-150 человек. Чихачев отметил, что жители: «Совершенно забыв свой родной язык и говоря по-русски, они продолжают строго придерживаться обрядов еврейской религии, Когда наблюдаешь, как на берегах Тахо или Дуная люди этой нации свято помнят и соблюдают свои религиозные традиции и обряды, так же строго выполняемые и на берегах Енисея, нельзя не подвиться и не почувствовать интереса к народу, на который ни время, ни пространство не оказывает своего влияния». [4, с. 219].

Далее путешественники посетили Табат и с. Бейское, где они остановились на три дня из за шедшего непрерывного дождя. Это было большое село, населенное главным образом староверами. Далее посетили Калы и Сабинку, населенными ссыльными, деревню Означенная, где путешественников встретили казаки из Саянского форпоста. Саянский форпост – был самый значительный из всех, которые посетил ученый в течении путешествия, его гар-

низон его состоял из 117 казаков нижних чинов, одного урядника (унтер-офицера) и трех старшин (унтер-офицеров, возглавляющие посты) с числом коней 234.

20 июля 1842 года путешественники покинули Саянск и их путь лежал в Минусинск, а далее они последовали в Бузуново, Билик, Тесь, Анашинская, форпост Солонзерный, озеро Беле, Кама где путешественники сменили верховых лошадей на кибитки, далее посетили Глядень и Усть-Убей, деревню Залупиха. В Коракове они сели на лодки и поплыли в Сизим, мимо Бирюсы и Овсянки и 7 августа путешественники прибыли в столицу Енисейской губернии Красноярск.

В 1844 году П.А. Чихаев командирован в Париж «для издания на казенный счет на французском языке описания совершенного им путешествия». Издание «Путешествие в Восточный Алтай» («*Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine par Pierre de Tchihatcheff...*») было издано в Париже в 1845 году в двух частях. В первой части давалось – описание пути экспедиции, дневник путешествий П.А. Чихачева. Во второй части книги были включены приложения: карты, геологические таблицы и 18 иллюстраций-литографий, 17 из которых были выполнены по рисункам Е.Е. Мейера (одна литография была выполнена по рисунку И.К. Айвазовского). Литографии были выполнены французскими мастерами: Ciceri, Sabatier, Bayot, Lassalle. По предварительной договоренности в Россию поступило всего 75 экземпляров этого издания. В книге П.А. Чихачев наряду с глубоко поэтическими картинками описания природы Горного Алтая, Енисейской губернии и геологических богатств уделяет внимание культуре, быту и языку народов Саяно-Алтая.

Что касается биографических данных художника Егора Мейера. Источники указывают, что родился Егор Егорович Мейер 14 марта 1822 года в Новгороде, «от свободного состояния иностранного негодника Мейера и незнако-

мой особы». Крещен был в православную веру в Великом Новгороде, в Дмитриевской церкви. Воспитывался Егор Мейер в семье адмирала Петра Ивановича Рикорда и рано проявил способности к живописи и рисунку.

В 1839 году Егор Мейер стал вольноприходящим учеником в Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, где обучался по классу перспективного пейзажа у художника М.Н. Воробьева и в 1839 году он получил серебряную медаль.

В 1843 году за виды из этой алтайской экспедиции «Цепь гор Шабарине-Ола с долиной и рекой Олаш в китайской провинции Уло-Тай» и «Ущелье Карасу близ китайской границы» Егор Мейер получил в Императорской Академии художеств серебряную медаль 1-й степени.

В 1844 году художник Мейер жил в Одессе. В начале 1845 года он был направлен на Северный Кавказ, в качестве художника при графе М.С. Воронцове. Весной 1845 года Мейер женился на Софье Васильевне Черниковой и летом отправился с ней в путешествие по Лифляндской, Эстляндской и другим губерниям Российской империи.

В 1845 году Егор Мейер получил от Императорской Академии Художеств звание художника XIV класса за картину «Источник, протекающий в лесу» и был награжден за неё большой золотой медалью. Получив право шестигодичной пенсионерской поездки за границу, он выехал в Италию в 1846 году. Но в 1849 году вынужден был вернуться в Россию и путешествовал по югу России, в основном - по Харьковской и Полтавской губерниям с сохранением пенсионерства. Из поездки была привезена картина «Горное ущелье», за которую осенью 1853 года Мейер был получил звание академика Императорской Академии художеств.

В 1855-1859-е годы художник Е.Е. Мейер провел в путешествиях по Сибири и по Дальнему Востоку. В 1860-1862-х годах он служил «при Начальнике Иркутской губернии» в должности архитекторского помощника.

В 1863 году Егор Мейер по состоянию здоровья вернулся в Санкт-Петербург. 29 января 1867 года он умер в больнице Св. Марии Магдалины и был погребён на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге.

References

- [1] A trip to Altai // *Otechestvennye zapiski*. 1843. № 1. P. 17-23.
- [2] Chikhachev P. Journey to the Eastern Altai. M. The main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house. 1974. P. 169.
- [3] Chikhachev P. Journey to the Eastern Altai. M. The main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house. 1974. P. 203.
- [4] Chikhachev P. Journey to the Eastern Altai. M. The main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house. 1974. P. 219.

Библиографический список

- [1] Поездка по Алтаю // *Отечественные записки*. 1843. № 1. С. 17-23.
- [2] Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1974. С. 169.
- [3] Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1974. С. 203.
- [4] Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1974. С. 219.

Чебодаева М.П.

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС (г. Абакан).

Художник Егор Мейер (1822-1867) в Хакасии

Аннотация. В статье рассматривается путешествие востоковеда П.А. Чихачева и художника Егора Мейера на Алтай, в Туву и в Хакасию в 1842 году. В работах художника Мейера запечатлены пейзажи Кузнецкого Алатау, форпост Арбаты и деревня Монок, где проживали сибирские казаки. В 1845 году в Париже вышло издание П.А. Чихачева «Путешествие в Восточный Алтай» («Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine par Pierre de Tchihatcheff...»), где были опубликованы виды Горного Алтая и Западного Саяна с гравюрами Егора Мейера.

Ключевые слова: изобразительное искусство Хакасии, художник Егор Мейер, П.А. Чихачев.

Chebodaeva M.P.

PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member (Abakan).

Artist Egor Meyer (1822-1867) in Khakassia

Abstract. The article discusses the journey of orientalist P.A. Chikhachev and artist Egor Meyer to Altai, Tuva and Khakassia in 1842. The artist Meyer's works depict the landscapes of the Kuznetsk Alatau, the outpost of Arbaty and the village of Monok, where Siberian Cossacks lived. In 1845, an edition of P.A. Chikhachev's «Journey to the Eastern Altai» («Voyage scientifique dans l'altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine par Pierre de Tchihatcheff...») was published in Paris, where views of the Altai Mountains and Western Sayan with engravings by Egor Meyer were published.

Key words: fine art of Khakassia, artist Egor Meyer, P.A. Chikhachev.

Политология

Political science

Щупленков Н.О.

*Доцент кафедры истории,
права и общественных дисциплин,
Ставропольский государственный
педагогический институт.*

Щупленков О.В.

*Доцент кафедры истории,
права и общественных дисциплин,
Ставропольский государственный
педагогический институт.*

Критерии формирования политической европейской идентичности*

Повторяющаяся трудность в работах, направленных на анализ и объяснение процесса европейской интеграции и идентичности, следовательно, также при анализе представлений и настроений европейцев по этому поводу, заключается в отсутствии общего критерия для определения самой концепции европейской идентичности. Такая работа должна быть направлена не только на определение того, как каждый человек концептуализирует значение идентичности и различные значения, которые они придают утверждению о том, что они идентифицируют себя как европейцы, но и на определение того, могут ли такие значения различаться у разных людей или в разных странах. к другому, адаптируя то, что мы понимаем под идентичностью, с концептуальной карты от национального к

* © Щупленков Н.О., Щупленков О.В., 2021.

наднациональному¹.

С самого начала, будучи должником контекста после Второй мировой войны, Европейский союз придерживался неофункционалистской стратегии по созданию идентичности, выходящей за рамки национальной и/или региональной идентичности, продвигая своего рода «национализм», который предлагал наднациональную интеграцию как преодоление нации и / или региональная идентичность². В связи с этой идеей мы находим гражданско-республиканскую формулировку нации, характеризующуюся «политическим волюнтаризмом» ее членов с целью создания политического сообщества³. В наиболее распространенном понимании европейская идентичность понимается как тот аспект собственной социальной идентичности, который соответствует идентификации как части группы граждан ЕС, придавая ему положительную эмоциональную ценность и принимая его как часть их бытия как личности⁴.

При изучении европейской идентичности обычно предлагается проводить различие между культурной идентичностью и гражданской идентичностью, основанное на трех доминирующих подходах к легитимности политических сообществ. Первый связывает легитимность с существованием институтов, которые принимаются обществом посредством общественного договора. Второй связывает легитимность политических сообществ с соответствием «нации», определяемой общей культурой. Третий подход связывает легитимность институтов с выражением «общего желания жить вместе» членами по-

1 *Diez Medrano J.* Unpacking European identity // *Politique européenne*, 2010. № 30 (1). P. 45-66.

2 *Keating M.* La integración europea y la cuestión de las nacionalidades // *Revista Española de Ciencia Política*, 2007. № 16. P. 9-35.

3 *Máiz R.* La Frontera Interior. El lugar de la nación en la teoría de la democracia y el federalismo. Murcia: Tres Fronteras Ediciones. 2008.

4 *Risse T.A.* Community of europeans? Transnational identities and public spheres. Ithaca, Cornell University Press. 2010.

литического сообщества. Исходя из этих теоретических точек зрения, были разработаны два способа интерпретации идентичности: гражданский компонент и культурный компонент. Гражданский компонент относится к идентификации человека с политической системой и ее институциональными рамками. Культурный компонент соответствует чувству принадлежности человека к сообществу, с которым, как он предполагает, он разделяет культуру. В литературу о европейской идентичности также включен третий раздел, в котором идентичность также состоит из «ощущения» себя европейцем или нет. Если граждане ЕС отождествляют себя с политической структурой и институтами ЕС, общие элементы становятся политическими ценностями и целями.

Таким образом, политика сплочения будет играть решающую роль в этом подходе⁵. Однако есть и авторы, которые ставят под сомнение такое различие, утверждая, что политические ценности не являются культурно нейтральными, а построение европейской идентичности, основанной исключительно на гражданских элементах, является, возможно, слишком «оптимистичной» идеей. Исходя из подхода к возможной двойной идентичности между национальной и европейской, предполагается, что отождествление себя с нацией или любой другой группой (в данном случае с Европейским союзом) генерируется либо посредством идентификации с определенной группой, хорошо с данной территорией⁶. Идентификация с социальной группой (социальный статус, этническая принадлежность, религия и т. д.) Также включает идентификацию с территориальным и политическим образованием. Эти группы, с которыми мы себя «идентифицируем», могут взаимодействовать, как в случае с национальной идентич-

5 *Capello R.* Cohesion Policies and the Creation of a European Identity: The Role of Territorial Identity // *Journal of Common Market Studies (JCMS)*, 2018. № 56 (3). P. 489-503.

6 *Duchesne S., Frogner A.P.* National and European Identifications: a Dual Relationship // *Comparative European Politics*, 2008. № 6 (2). P. 143-168.

ностью и европейской идентичностью, без необходимости вступать в конфликт⁷. Таким образом, когда мы говорим о том, идентифицируется ли европейское гражданство как таковое, речь может идти об идентичности, разделяемой с другими, поскольку оба уровня (национальный и наднациональный) могут вести себя кумулятивно. Однако они также могут вступать в конфликт, идентифицируя себя с определенной территорией или определенной группой. На самом деле, в гармонии учитывая большинство повторяющихся утверждений, объясняющих рост евроскептицизма или продвижение крайне правых, можно было бы ожидать, что европейская идентичность и национальная идентичность взаимодействовали все более противоречивым образом для многих европейских граждан; особенно на протяжении последнего десятилетия и его последовательных кризисов.

Если поначалу казалось самоочевидным, что сосуществование национальной идентичности и европейской идентичности будет в первую очередь конкурентным, то с тех пор литература большинства превратилась в утверждение, что это не обязательно так. Расширяется консенсус в отношении политического конструирования европейской идентичности и возможности одновременного существования нескольких идентичностей⁸. Фактически, и то, и другое может быть взаимодополняющим, и существует положительная корреляция между национальной идентичностью и европейской идентичностью; даже обнаружена аналогичная взаимосвязь между региональной идентичностью и европейской идентичностью, хотя и менее значимая⁹. Хотя эта взаимосвязь, учитывая

7 Verhoegen S. What to expect from european identity? Explaining support for solidarity in times of crises // *Comparative European Politics*, 2018. № 16. P. 871-904.

8 Sojka A., Vázquez R. Identidad Europea en el sur de Europa: un análisis comparado de las percepciones de las élites y opinión pública en España y Portugal // *Revista Española de Ciencia Política*, 2004. № 36. P. 89-114.

9 Bruter M. Time Bomb? The Dynamic Effect of News and Symbols on the Political Identity of European Citizens. // *Comparative Political Studies*, 2009. № 42 (12). P. 1498-1536.

неоднородность истории и политики каждого государства-члена, также может быть отрицательной, поскольку существует различная динамика взаимосвязи между идентичностями; как указывают Германн и Брюэр со своими моделями вложенные (или русские куклы) и модели поперечного сечения¹⁰.

Политическая дискуссия вокруг европейского гражданства всегда была двусторонней. Для многих включение в Маастрихтский договор ссылки на то, что «гражданство Союза дополняет, а не заменяет национальное гражданство», является одним из наиболее тривиальных и пустых аспектов текста. Для других, с другой стороны, это символизирует риски и возможности такой неоднозначной концепции, как дальняя поездка.

Дискуссия о европейском гражданстве обычно строится на трех подходах. Во-первых, Союз состоит из граждан, которые по определению не имеют одинакового гражданства, и сущность их гражданства вытекает, в частности, из приверженности общим ценностям Союза, выраженным в его учредительных документах, и правами и обязанностями, которые они воплощают. В этом подходе европейское гражданство не требует создания той эмоциональной связи, которая ассоциируется с гражданством на основе национальности. Во втором подходе используется образ «концентрических кругов», чтобы объяснить, что люди могут чувствовать себя одновременно частью нескольких идентичностей и национальностей – можно чувствовать себя одновременно галисийцем, испанцем и европейцем – потому что чувство идентичности и отождествления происходят из тех же источников, что и эмоциональные связи – и они допускают разные уровни интенсивности; самые сильные преобладают в случае конфликта. Третий подход сосредоточен на этой одновременной принадлежности,

10 Herrmann R.K., Brewer M.B. Identities and Institutions Becoming European in the EU // Herrmann, R.K., Risse-Kappen T., Brewer M.B. (eds.) *Transnational Identities: Becoming European in the EU*. New York: Rowman & Littlefield, 2004. P. 1-22.

но признает различные идентифицирующие факторы в отношении различных идентичностей; тем самым отодвигая идею европейского гражданства от его национального происхождения и его органически-культурной идентификации, чтобы связать его с общими ценностями, которые представляет Европа, от транснациональной близости.

Ядерная гипотеза, изложенная в этой статье, предполагает, что постепенное укрепление этой двойной идентичности европейских граждан, в которой национальная идентичность, региональная идентичность и европейская идентичность не конкурируют друг с другом, будет действовать как ключевой элемент, который в значительной степени разъединит эффект роста антиевропейских или антиевропейских сил. причина евроскептиков в предполагаемом снижении чувства принадлежности к ЕС и идентификации европейских граждан как таковых, поскольку европейское гражданство основывалось бы именно на взаимодополняющей идентичности, а не на противостоянии или конфронтации национальной или местной идентичности. Иными словами, несмотря на то, что большинство европейских граждан вынуждены выбирать между противоположными идентичностями, они заранее выбрали и предпочитают иметь несколько идентичностей.

В неофункционалистской логике, которая с самого начала определяла процесс европейской интеграции, постепенный и взаимодополняющий переход к растущему политическому единству происходил бы за счет увеличения экономических выгод¹¹. В литературе о ЕС широко освещалась связь между европейской идентичностью и солидарностью внутри сообщества, особенно в экономических вопросах¹². Предполагается, что существует связь

11 *Nicili F.* Democratic legitimacy in the era of fiscal integration // *Journal of European Integration*, 2017. № 39 (4). P. 389-404.

12 *Verhoegen S.* What to expect from european identity? Explaining support for solidarity in times of crises // *Comparative European Politics*, 2018. № 16. P. 871-904.

между восприятием экономических выгод и поддержкой процесса европейской интеграции или самим чувством европейской идентичности, которая оказывается в основном инструментальной¹³. Таким образом, европейская идентичность оказалась бы необходимой для поддержания легитимности ЕС и оставалась бы более стабильной, чем поддержка процесса интеграции, более изменчивой в глазах общественного мнения и зависящей от экономического и социального контекста.

В течение 1990-х годов началась переформулировка некоторых крайне правых движений, вплоть до их кристаллизации в политические партии, для которых характерны ксенофобский, этнонационалистический дискурс и экономический протекционизм, предназначенный исключительно для тех, кто по праву принадлежит к национальному сообществу; таким образом, исключая мигрантов и/или этнические меньшинства (в том числе тех, кто принадлежит к национальному сообществу)¹⁴. После краха коммунистических систем в странах Восточной Европы рост реакционных популистских движений также был отмечен как радикальная форма протеста против ухудшения качества жизни, безработицы и социальной дезориентации, вызванных распадом системы¹⁵.

Следуя этой логике, можно было предвидеть столкновение между определением национального суверенитета, используемым радикальными правыми партиями, и идеей общей европейской идентичности; тем более с компетенциями и политикой нынешнего ЕС. Представление себя как партий, выступающих против истеблиш-

13 Verhaegen S., Hooghe M., Quintelier E. European Identity and Support for European Integration: A Matter of Perceived Economic Benefits? // *Kyklos*, 2014. № 67 (2). P. 295-314.

14 Caiani M, Della Porta D., Wagemann C. *Mobilizing on the Extreme Right*. German, Italy and the United States. New York: Oxford University Press. 2012.

15 Blokker N. Populist Nationalism, Anti-Europeanism, Postnationalism, and the East-West Distinction // *German Law Journal*, 2005. № 6 (2). P. 371-389.

мента или антиэлиты, приобретает все большее значение в дискурсе крайне правых, поскольку позволяет им четко идентифицировать ЕС как неотъемлемую часть этого «истеблишмента, с которым нужно бороться». Новизна теперь заключается в том, что евроскептицизм больше не воспринимается как периферийное явление, ограниченное рамками национальных систем, где европейский вопрос был исключен из обсуждения. Великая рецессия и ее экономические и социальные последствия, приход к власти антиевропейских радикальных партий и приближение к электоральной конкуренции за позиции евроскептиков со стороны традиционно центральных партий Европы привели к тому, что силы евроскептиков «вышли из-под контроля».

Почти все государства ЕС сегодня регистрируют евроскептические движения и позиции в своих партийных системах. Явление, которое выходит за рамки идеологической шкалы, чтобы устраивать как левых, так и правых. Изменение, которое, по-видимому, связано не столько с реакцией традиционных партий на изменения в предпочтениях их избирателей, сколько с самим поворотом этих избирателей к партиям, которые предлагали новые профили, основанные на новых «разногласиях», прослеживаемых с разных позиций в отношении консенсуса по Европе или таким вопросам, как иммиграция¹⁶.

Евроскептицизм, выражение недоверия, разочарования или даже враждебности по отношению к Европе сегодня является частью мейнстрима европейской политики. Не только через повстанческие партии или партии меньшинств, но и через дискурс и предложения традиционных правящих партий; хотя их реальное влияние на политику оказалось гораздо более ограниченным. Этот рост евроскептицизма можно рассматривать как два лика бога

16 Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // *Journal of European Public Policy*, 2017.

Януса, либо как признак ухудшения самого процесса европейской интеграции, либо как признак его собственной политической нормализации.

Европейская литература выделила четыре основных направления для ответа евроскептиков с разных национальных арен: экономический вопрос и кризис Еврозоны, иммиграция, вопрос демократии/суверенитета по отношению к Европе и различные национальные конъюнктурные факторы. При всем уважении к иммиграции, имеющиеся данные указывают на то, что миграционный кризис 2015 года вызвал этот вопрос как часть повествования евроскептиков, но он уже был важной частью дискурса крайне правых партий. Повторяющаяся критика в отношении так называемого «дефицита демократии» в ЕС и суверенная критика в отношении утраты национального суверенитета, связанной с членством в ЕС, или отсутствия демократии, сопровождающего эту утрату, были бы усилены с последствиями Великой рецессии и экономического кризиса из еврозоны.

Существует множество исследований, подтверждающих взаимосвязь между позицией перед процессом европейской интеграции и различными экономическими факторами: глобализацией и влиянием кризиса Еврозоны на национальную экономическую политику¹⁷, эволюция личной экономической ситуации¹⁸, последствия Великой рецессии для личной экономики¹⁹ или дисбаланс между либерализующей политикой, обусловленной негативной интеграцией, и недостаточностью позитивной интеграции для создания подлинной европейской социальной модели в сочетании с отсутствием политического

17 *Serricchio F., Tsakatika M., Quaglia L.* Euroescepticism and the Global financial crises // *Journal of Common Market Studies*, 2012. № 51 (1). P. 51-64.

18 *Eichenberg R.C., Dalton R.J.* Post-Maastricht blues: the transformation of citizen support for European Integration 1973–2004. // *Acta Politica*. 2007. № 42 (2–3). P. 128-152.

19 *Gomez R.* The economy strikes back: support for the EU during the great recession. // *Journal of Common Market Studies*, 2015. № 53 (3). P. 577-592.

потенциала для осуществления изменений в экономической политике.

Также были подробно проанализированы глубокие изменения, вызванные политическими проблемами демократической легитимации, связанными с процессом строительства Союза, и напряженностью между технократией и демократией, где противоречие между растущей политизацией европейских дел и деполитизацией экономической политики способствовало тому, что евроскептические партии могли отказаться от своих прав.- построение фрагментированной и все еще формирующейся «европейской публичной сферы»²⁰, или последствия отсутствия институционального лидерства для определения новых целей и «динамической адаптации», необходимой для реагирования на новые ситуации и изменения, вызванные кризисом в Еврозоне, миграционным кризисом или самим Брекситом.

С другой стороны, с точки зрения других подходов легитимность и эффективность ЕС оспариваются как популистскими основами, лежащими в основе многих критических замечаний в адрес предполагаемого демократического дефицита «ЕС, так и его предполагаемым отсутствием критических стандартов европейских институтов в отношении своих собственных действия, заявляя о способности» Либерального межправительственного подхода проводить законно демократическую и технически эффективную политику²¹; или о том, как метод Сообщества и его требования к усиленному консенсусу фактически обеспечили защиту демократической легитимности европейских решений, или его усиление перед лицом определенных «мессианских» политических взглядов на интеграционный процесс, способствуя вза-

20 *Sánchez-Cuenca I.* From a deficit of democracy to a tecnocratic order: The postcrisis debate on Europe // Annual Review of Politicas Science, 2017. № 20. P. 351-369.

21 *Moravcsik A.* Preferences, power and institutions in 21st Century Europe // Journal of Common Market Studies, 2018. № 56 (7). P 1648-1674.

имной взаимозависимости и взаимному соответствию интересов и целей²².

Финансовый кризис 2008 года, по-видимому, привел к тройному разрыву между центральными и периферийными странами ЕС в отношении того, как следует выходить из кризиса, степени автономии каждого правительства и самой демократической легитимности. Видение с периферии заключалось в том, что он должен проводить политику жесткой экономии, навязанную сочетанием неизбираемых европейских институтов; что уменьшало самоуправление правительств и лишало граждан права голоса без реальной возможности выбора. Точка зрения основных стран Еврозоны заключалась в том, что все страны действовали по одним и тем же правилам и провели свои законные и демократические выборы; разница заключалась в том, что одни действовали ответственно, в то время как другие потратили и взяли в долг больше, чем могли, и теперь должны были нести ответственность за последствия. Евро и кризис не только не объединили бы страны Еврозоны, но и не разделили бы их на «возмущенных кредиторов и возмущенных должников»²³.

Для периферийных стран жесткая экономия была навязана, для центральных стран Еврозоны жесткая экономия была навязана самим себе. На самом деле это может быть две стороны одной медали: нежелание национальных правительств «надевать европейскую шляпу» дома²⁴. Динамика, усугубляемая отсутствием жизнеспособных альтернатив нынешнему процессу европейской интеграции и проводимой им политике. Те самые правила, которые были разработаны для предотвращения даже не-

22 Weiler J.H.H. In the face of the crisis: Input legitimacy, output legitimacy and the political mesianism of european integration // Journal of European Integration, 2012. № 34 (7). P 825-841.

23 Majone G. The European Union post-Brexit: Static or dynamic adaptation? // European Law Journal. 23. № 1-2. 2017. P. 9-27.

24 Alonso S. You can vote but you cannot choose: Democracy and the sovereign crisis in the Eurozone. Working paper, 2014/282. IC3JM.

значительных изменений курса, теперь стали основной проблемой в процессе принятия решений об изменении предварительных реформ. Превращение процесса интеграции в основную коллективную цель стало теперь основной проблемой во времена, когда граждане больше заботились об оценке результатов решений, процессов их принятия.

С точки зрения эмпирических данных о последствиях последовательных кризисов, с которыми столкнулись страны ЕС за последнее десятилетие, констатировал, что они породили и порождают очень разные последствия. Кризис в Еврозоне в наибольшей степени повлиял на партийные системы и политику стран, наиболее пострадавших от политики спасения, миграционный кризис оставил особенно сильный след в посткоммунистических государствах Центральной Европы, а потрясения, вызванные Брекситом, похоже, в большей степени способствовали укреплению легитимности ЕС. ранее существовавшие антиевропейские нарративы²⁵.

Значительная часть литературы по европейской интеграции принимает как должное или принимает как данность основную цель ЕС. Но, возможно, именно эта цель сегодня оказывается наиболее проблематичной. Кризисы не только не ослабили ее, но и укрепили растущее большинство европейцев в их европейской идентичности и в идее и видении Европы открытой, демократической, мирной, инклюзивной и полезной. Хотя, возможно, не так много в отношении конкретной реализации идеи Европы, которую представляет нынешний способ интеграции; этот ЕС, где возможные изменения могут оказаться лишь постепенными по сравнению с прошлым, обречен на создание большего количества той самой Европы, где возможная политика воспринимается как незаконная или

25 Taggart P. Szczerbiak A. Putting Brexit into perspective: the effecto of Eurozone and migration crises and Brexit on Euroscepticism in European states // Journal of European Public Policy, 2018. № 25 (8). P.1194-1214.

неэффективная, в то время как новая политика кажется политически невозможной²⁶.

Отсутствие альтернатив нынешнему способу интеграции, отсутствие конкуренции между альтернативами европейской интеграции или «политического освобождения»²⁷ составляет другую сторону проблемы и вызывает заметную степень институционального истощения среди органов ЕС. Но общее представление о том, что представляет собой ЕС, остается сильным и даже укрепилось после Великой рецессии. Это правда, что евроскептический подход продвинулся вперед в публичном обсуждении среди континентальных медиа, политических и финансовых элит и завоевал лояльность стабильных меньшинств избирателей. Но, похоже, он далек от того, чтобы завоевать растущее большинство европейцев, более сдержанный и менее шумный, чем это евроскептическое меньшинство; похоже, он даже не готов приблизиться к тому, чтобы вызвать у них сомнения в необходимости Европы. Сегодня только европейцы могут поддерживать идею самобытной европейской цивилизации с ее успехами и неудачами. Это формирующееся устойчивое большинство, похоже, вполне осознает эту ответственность.

References / Библиографический список

- [1] Alonzo S. You can vote but you cannot choose: Democracy and the sovereign crisis in the Eurozone. Working paper, 2014/282. IC3JM.
- [2] Blokler N. Populist Nationalism, Anti-Europeanism, Postnationalism, and the East-West Distinction // German Law Journal, 2005. № 6 (2). P. 371-389.
- [3] Bruter M. Time Bomb? The Dynamic Effect of News and Symbols on the Political Identity of European Citizens. // Comparative Political Studies, 2009. № 42 (12). P. 1498-1536.
- [4] Caiani M, Della Porta D., Wagemann C. Mobilizing on the Extreme Right. German, Italy and the United States. New York: Oxford University Press. 2012.
- [5] Capello R. Cohesion Policies and the Creation of a European Identity: The Role of Territorial Identity // Journal of Common Market Studies (JCMS), 2018. № 56 (3). P. 489-503.
- [6] Diez Medrano J. Unpacking European identity // Politique européenne, 2010. № 30(1). P. 45-66.

²⁶ Scharpf F.W. After the Crush: A perspective on multilevel european multilevel democracy // European Law Journal, 2015. № 21. P. 384-405.

²⁷ Majone G. The European Union post-Brexit: Static or dynamic adaptation? // European Law Journal. 23. 2017. № 1-2. P. 9-27.

- [7] Duchesne S., Frogner A.P. National and European Identifications: a Dual Relationship // *Comparative European Politics*, 2008. № 6(2). P. 143-168.
- [8] Eichenberg R.C., Dalton R.J. Post-Maastricht blues: the transformation of citizen support for European Integration 1973–2004. // *Acta Política*. 2007. № 42 (2–3). P. 128-152.
- [9] Gomez R. The economy strikes back: support for the EU during the great recession. // *Journal of Common Market Studies*, 2015. № 53 (3). Pp 577–592.
- [10] Herrmann R.K., Brewer M.B. Identities and Institutions Becoming European in the EU // Herrmann, R.K., Risse-Kappen T., Brewer M.B. (eds.) *Transnational Identities: Becoming European in the EU*. New York: Rowman & Littlefield, 2004. P. 1-22.
- [11] Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // *Journal of European Public Policy*, 2017.
- [12] Keating M. La integración europea y la cuestión de las nacionalidades // *Revista Española de Ciencia Política*, 2007. № 16. P. 9-35.
- [13] Máiz R. La Frontera Interior. El lugar de la nación en la teoría de la democracia y el federalismo. Murcia: Tres Fronteras Ediciones. 2008.
- [14] Majone G. The European Union post-Brexit: Static or dynamic adaptation? // *European Law Journal*. 23. 2017. № 1-2. P. 9-27.
- [16] Moravcsik A. Preferences, power and institutions in 21st Century Europe // *Journal of Common Market Studies*, 2018. № 56 (7). P. 1648-1674.
- [17] Nicili F. Democratic legitimacy in the era of fiscal integration // *Journal of European Integration*, 2017. № 39 (4). P. 389-404.
- [18] Risse T. A community of Europeans? Transnational identities and public spheres. Ithaca, Cornell University Press. 2010.
- [19] Sánchez-Cuenca I. From a deficit of democracy to a technocratic order: The postcrisis debate on Europe // *Annual Review of Political Science*, 2017. № 20. P. 351-369.
- [20] Scharpf F.W. After the Crash: A perspective on multilevel European multilevel democracy // *European Law Journal*, 2015. № 21. P. 384-405.
- [21] Serricchio F., Tsakatika M., Quaglia L. Euro-scepticism and the Global financial crises // *Journal of Common Market Studies*, 2012. № 51 (1). P. 51-64.
- [22] Sojka A., Vázquez R. Identidad Europea en el sur de Europa: un análisis comparado de las percepciones de las élites y opinión pública en España y Portugal // *Revista Española de Ciencia Política*, 2004. № 36. P. 89-114.
- [23] Taggart P., Szczerbiak A. Putting Brexit into perspective: the effects of Eurozone and migration crises and Brexit on Euroscepticism in European states // *Journal of European Public Policy*, 2018. № 25 (8). P. 1194-1214.
- [24] Verhaegen S., Hooghe M., Quintelier E. European Identity and Support for European Integration: A Matter of Perceived Economic Benefits? // *Kyklos*, 2014. № 67 (2). P. 295-314.
- [26] Verhoegen S. What to expect from European identity? Explaining support for solidarity in times of crises // *Comparative European Politics*, 2018. № 16. P. 871-904.
- [27] Weiler J.H.H. In the face of the crisis: Input legitimacy, output legitimacy and the political mechanism of European integration // *Journal of European Integration*, 2012. № 34(7). P. 825-841.

Щупленков Н.О.

Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Щупленков О.В.

Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Критерии формирования политической европейской идентичности

Аннотация. Без определенного уровня общей европейской идентичности маловероятно, что политический или экономический союз институтов и народов Европы сможет существовать. Если только политические, экономические и культурные элиты не смогут навязать это объединение с точки зрения властных отношений. Потому что таким элитам нужны сильные институты и крупномасштабная экономика, чтобы они могли конкурировать за власть с другими элитами в глобализованном мире. И их интересы не воспринимаются как свои собственные слоями с более низким уровнем образования и социально-экономическим статусом. В этом суть так называемого демократического дефицита европейского строительства и корень политических кризисов, которые мы переживаем. Не существует материальной основы для существования общей европейской идентичности с точки зрения общей практики, которая является источником культур и идентичностей.

Ключевые слова: европейская интеграция, политика идентичность, политическая дискуссия, политические институты, элита.

Shuplenkov N.O.

Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Shuplenkov O.V.

Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Criteria for the formation of political European identity

Abstract. Without a certain level of common European identity, it is unlikely that a political or economic union of institutions and peoples of Europe will be able to exist. Unless political, economic and cultural elites are able to impose this unification from the point of view of power relations. Because such elites need strong institutions and a large-scale economy so that they can compete for power with other elites in a globalized world. And their interests are not perceived as their own by layers with a lower level of education and socio-economic status. This is the essence of the so-called democratic deficit of European construction and the root of the political crises that we are experiencing. There is no material basis for the existence of a common European identity from the point of view of common practice, which is the source of cultures and identities.

Key words: European integration, identity politics, political discussion, political institutions, elite.

Болтенкова Л.Ф.

*Доктор юридических наук, профессор.
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

**Понятие, структура
и функции политической культуры***

Многозначный и многогранный термин или понятие «политическая культура» впервые упоминается в 18 веке. В наши дни появилось более 50 разновидностей этого всеобъемлющего понятия. Политическая культура вобрала в себя не только тысячелетний исторический опыт, многовековые традиции и общепринятые ценности в политической жизни, но и духовные убеждения и представления о мире, а также различные образцы и человеческие нормы поведения. К политической культуре можно отнести ещё культуру общечеловеческую с исторически сложившимися традиционными ценностями и твёрдыми убеждениями в определенном политическом поведении.

Политическая культура необходима для любого государственного строя, она проявляется в качественной характеристике как политической сферы современного общества, так и в определении уровня демократической зрелости.

Политическая культура — это неотделимая часть политики, но иногда она бывает самодостаточна, она часто характеризуется тем, насколько вовлечены граждане в политические процессы, происходящие в государстве и за его пределами [4].

* © Болтенкова Л.Ф., 2021.

Понятие, структура и функции политической культуры

Современная наука вкладывает в понятие политической культуры определенный смысл, она представляет собой огромную систему из политических ценностных факторов, которые влияют на политическое поведение, показывает состояние и уровень развития политических отношений.

Рассматривая политическую культуру, которая характеризуется развитием политической сферы современного общества, уровнем политики. Результаты деятельности политической культуры обычно документально фиксируются в общественно-политических институтах.

Политическая культура формирует представление национальной или социально-политической общности о государственной политике, таким образом она устанавливает определённые рамки, при помощи которых массовое население, составляющее социум активно принимает текущую форму правления государством в качестве законной, или наоборот отвергает их. Благодаря политической культуре формируются поведенческие модели определенной части населения государства.

Политической культуре сопутствует определённый способ мышления, сочетание необходимости приемлемости вещей для определенного круга населения и вещей отвергаемых, несмотря на любые попытки внедрить политические новации.

Тоталитарный или авторитарный режим для патриархального воспитания является абсолютно нормальным и легитимным, а демократы подобный режимы будут воспринимать как типичную тиранию.

Политическая культура социума характеризует определенную политическую систему. Политическая система, в свою очередь, это реальная база для формирования политического сознания населения, как следствие у социума развивается политическая культура.

Что касается **структуры политической культуры,**

то она, как и само определение политической культуры имеет не один вариант трактовки, а множество. Одна из самых распространённых вариантов структуры политической культуры содержит такие понятия, как: представления, политическое поведение, политические установки, возникающие через отношение субъекта к политическим явлениям, ценности и ценностные направления, постулаты политической культуры [2].

Интересно, что в политической структуре очень часто встречаются пересечение, дополнение и перетекание понятий из одного в другое. Это ещё раз показывает то, что политическая культура, является мульти вариантной и специфичной, а её структуры в различных цивилизационных общностях функционируют по-разному.

Бывает так, что одна из функций политической культуры, познавательная, выделяется в самостоятельную. Здесь большая роль придаётся методам и средствам управления социальными процессами, упор также идёт на знание законов и принципов для успешной политической деятельности субъекта, а для более эффективного достижения цели существует необходимость в соблюдении гражданами определенных норм поведения, всё это ведёт к нормальному функционированию политической системы.

Политическая культура бесспорно является результатом всех аспектов, которые показывают, насколько вовлечены обычные граждане в политическую жизнь, которая происходит не только в государстве, в котором они живут, но и за его пределами, во всём мире.

Кто же является носителем и потребителем политической культуры? Это отдельная личность, человек, индивид, причём политическая культура прививается ему с «молдых ногтей», с раннего детства, без возможности выбора в процессе социализации. Поэтому есть мнения, которые высказываются в пользу того, что политическую культуру общество навязывает своим гражданам, без вариантов.

Духовная культура также является одной из составляющих частей политической культуры, которая, в свою очередь состоит из политических символов, таких как традиции государства, государственный флаг, герб и гимн.

Важными понятиями, характерными для **структуры политической культуры** являются стереотипы, мифы и символы (флаг, герб и гимн государства, лозунги, памятные даты, политические ритуалы). Эти три понятия не только неразрывно связаны, но и отлично дополняют друг друга. Из понятий и структуры политической культуры можно выделить её **функции**. Функции политической культуры помогают ставить и решать различные задачи, стоящие перед обществом, помогают формированию политической грамотности граждан и помогают им достигнуть необходимого уровня их вовлечения в политику.

Функции политической культуры предполагают объединение граждан для определенной идеи и стремления. В равной степени как понятия и структура политической культуры, её функции многозадачные, мульти вариантные, многослойные.

Функции политической культуры необходимы для решения определенных задач общества, направлены на то, чтобы вовлечь простых граждан в политику, повысить их политическую грамотность и сделать их политический кругозор более широким, формировать привычные ценности.

Существуют 4 вида различных функций политической культуры: адаптивная, интегративная, воспроизводство политической системы, целеполагающая [1].

Адаптивная - индивидуум впитывает политические знания, формирует политические взгляды и привычки, набирается политического опыта.

Интергративная - объединение людей по различным убеждениям, взглядам и увлечениям от партий и общественных организаций до клубов и групп.

Воспроизводство политической системы- благодаря спиралеобразному развитию политической системы происходит её переход на более качественный уровень.

Целеполагающая - каждый тип политической культуры предполагает определенные цели и личности, социальные группы или даже целые нации. Лидеры каждой определенной группы действуют исходя из своего темперамента и принципов [3]. Так, А. Македонский был холериком и придерживался принципа «всё или ничего». А осторожный флегматик И. Сталин работал в соответствии с другим принципом «шаг за шагом».

Политическая культура, благодаря своей структуре и функциям оказывает постоянное влияние на формирование и деятельность политиков. Различные формы политической жизни государства при благотворном воздействии политической культуры, не только сохраняются, а ещё воспроизводятся, это важно для сохранения устойчивости при возникновении внутренних или внешних угроз для общества и государства.

Россия имеет развитую и в определённой мере разнообразную политическую культуру, что обеспечило несколько десятилетий стабильного развития и способность противостоять внешним и внутренним вызовам.

Подведем итоги:

Политическая культура — это совокупность ценностей, убеждений, норм и практик, которые определяют отношение людей к политической власти, государству и обществу в целом. Она формируется под влиянием исторических, социальных, экономических и культурных факторов и является важным элементом политической системы. Структура политической культуры включает несколько компонентов:

1. Политические ценности — это основные убеждения и идеалы, которые определяют отношение людей к политической власти и государству. К ним относятся свобода,

равенство, справедливость, демократия, гражданские права и др.

2. Политические убеждения — это мнения и представления людей о политических процессах и явлениях. Они могут быть связаны с конкретными политическими партиями, идеологиями, лидерами и т.д.

3. Политические нормы — это правила поведения, которые регулируют отношения между гражданами и государством. К ним относятся законы, конституции, правила выборов и т.д.

4. Политические практики — это конкретные действия людей в политической сфере, такие как участие в выборах, участие в политических движениях, общественных организациях и т.д.

Функции политической культуры включают:

1. Легитимизация политической власти - политическая культура помогает создать общественное согласие на правомерность действий политических институтов и лидеров.

2. Стабилизация политической системы - политическая культура способствует укреплению стабильности и надежности политической системы, создавая условия для ее эффективного функционирования.

3. Формирование гражданской идентичности - политическая культура способствует формированию общей гражданской идентичности, которая объединяет людей вокруг общих ценностей и убеждений.

4. Развитие гражданского общества - политическая культура способствует развитию гражданского общества, создавая условия для активного участия граждан в политической жизни страны.

5. Формирование политической элиты - политическая культура способствует формированию кадровой базы для политической элиты, которая будет руководить государством в будущем.

Таким образом, политическая культура является важным элементом политической системы, который определяет отношение людей к политической власти и государству. Она включает в себя ценности, убеждения, нормы и практики, которые формируются под влиянием различных факторов и выполняют ряд важных функций в политической жизни общества.

References

- [1] Omelichkin O.V. Structure and functions of political culture. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-funktsii-politicheskoy-kultury>
- [2] Panacheva A.S. Political culture: a course of lectures. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta, 2005. 304 p.
- [3] Lomako L.L., Maltsev K.G. "Cultural features": politicization, depoliticization and global order // Eurasian Law Journal. 2021. № 3 (154). P. 485-490.
- [4] Borisenkov A.A. Political culture: essence, types and law // Questions of political science. 2014. № 4 (16). P. 7-17.

Библиографический список

- [1] Омеличкин О.В. Структура и функции политической культуры. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-funktsii-politicheskoy-kultury>
- [2] Паначева А.С. Политическая культура: курс лекций. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. 304 с.
- [3] Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485-490.
- [4] Борисенков А.А. Политическая культура: сущность, виды и закон // Вопросы политологии. 2014. № 4 (16). С. 7-17.

Болтенкова Л.Ф.

Доктор юридических наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Понятие, структура и функции политической культуры

Аннотация. Политическая культура вобрала в себя не только тысячелетний исторический опыт, многовековые традиции и общепринятые ценности в политической жизни, но и духовные убеждения и представления о мире, а также различные образцы и человеческие нормы поведения. В статье рассмотрены разные подходы к понятию политической культуры, ее структура и основные функции.

Ключевые слова: политическая культура, государственный строй, общественно-политический институт, политический режим, политические установки.

Boltenkova L.F.

Doctor of Legal Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

The concept, structure and functions of political culture

Abstract. Political culture has absorbed not only millennial historical experience, centuries-old traditions and generally accepted values in political life, but also spiritual beliefs and ideas about the world, as well as various patterns and human norms of behavior. The article discusses different approaches to the concept of political culture, its structure and main functions.

Key words: political culture, state system, socio-political institution, political regime, political attitudes.

Рябова Е.Л.

*Доктор политических наук, главный редактор журнала
«Этносоциум и межнациональная культура».*

Процесс формирования политического сознания*

Благодаря изучению целого комплекса различных политических знаний происходит формирование политического сознания. Осознание сферы политики, присутствие переживаний и различных мыслей по поводу политических течений и процессов, осознание своей роли в нём, как индивидуальности – всё это также есть политическое сознание, которое развивается в социальных группах или индивидуально путём создания совокупности оценок, различных представлений, новых знаний и свежих идей благодаря ярко выраженным интересам различных субъектов. Политические субъекты могут быть абсолютно разными, начиная от индивидов и социальных групп и заканчивая государством в целом.

Политическое сознание жизненно необходимо любому человеку для обычного восприятия окружающей действительности, связанной с политикой, в которую он оказывается включён ежедневно как субъект. Формирование процесса политического общественного сознания возникает в виде социальных и экономических условий, соответствующих данному обществу.

Политическое сознание неотделимо от государства и появляется сразу при формировании государственности

* © Рябова Е.Л., 2021.

Процесс формирования политического сознания

и политической системы, установившейся в этом государстве.

Первые мысли о необходимости формирования норм поведения людей в политическом пространстве впервые озвучили древнегреческие философы Платон и Аристотель. По мере того, как происходит формирование и становлением личности, то есть практически с детства, при социализации в окружающем эту личность социуме, одновременно происходит формирование политического сознания человека как индивида и определяется его дальнейшее политическое поведение.

Одновременно вместе с появлением политической власти и государства как системы, осуществляющей эту власть, возникает политическое сознание, которое является важной формой сознания социального, то есть самой простой и общей категорией, характеризующей субъективную сторону политики.

Обычные представления рядовых граждан о политике основываются на психологических, теоретических системах ценностей, а также знании норм, влияющих на их связи с представителями власти и тем самым формируют модели их политического сознания.

Человек является существом социальным, поэтому его социализация является важной частью формирования политического сознания. При социализации происходит процесс усвоения каждым индивидом различного опыта взаимодействия с другими людьми, поэтому полученный таким образом следующий опыт становится более ценным.

Усвоение определённых норм, традиционных ценностей необходимы для формирования процесса политической деятельности, при этом индивид формирует свою личную картину политического мира, накапливает свой опыт и использует опыт общения предыдущих людей

для той деятельности, которая необходима для формирования определенного политического сознания.

Формирование политического сознания однозначно проходит через простейшую политическую социализацию, включает в себя различные уровни, механизмы и факторы, которые воздействуют, как на индивидуальном, так и на более высоком общественном уровне. Развитие политического сознания происходит от личностного к социальному и самому высокому- международному уровню [3].

Политическое сознание начинает формироваться в детстве — это ранний или первичный этап он начинается примерно с трёх лет, когда формируются самые прочные бессознательные структуры, образы и рамки, далее постепенно человек переходит к дальнейшим этапам, которые являются более сложными.

Основные этапы политической социализации это школьный с 9 до 15 лет, постшкольный с 16 до 20 лет, далее следует период закрепления в политических институтах с 20 до 30 лет.

Процесс формирования политического сознания не до конца изучен и крайне противоречив. Одни скептики настаивают на том, что с политическим сознанием нужно много работать- формировать, лепить и направлять в нужном направлении, другие утверждают, что формирование политического сознания – сложнейший процесс, происходящий в неравных условиях для познаваемого субъекта, поэтому нет четкого ответа на вопрос насколько эффективно и нужно ли открыто воздействовать на его формирование. Поэтому в различных социальных группах политическое сознание могут прививать по-разному или вообще не акцентировать на нём внимания в процессе воспитания [2].

Большое влияние на процесс формирования полити-

ческого сознания, происходит через «пропаганду», причём весьма эффективно. Подобной пропагандой может стать кинематограф, который в двадцатом веке переродился в настоящую индустрию и стал одним из способов познания мира через визуальный образ телеэкранных героев, далее идёт Интернет и завоёвывает свои личные позиции. Благодаря Интернету и компьютеру были созданы целые виртуальные миры и вселенные, не поддающиеся контролю. Порождается бесчисленное количество различных факторов, влияющих на социализацию, и как результат – на процесс формирования политического сознания человека.

Кинематограф, телевидение, интернет, газеты, журналы, книги являются средствами массовой коммуникации (СМК), благодаря которым человек осознаёт свою суть и место в политическом пространстве.

Социальный опыт как свой собственный, так и предшествующих поколений, играет важную роль в формировании массового политического сознания. Каждое последующее поколение людей постигает этот опыт через целую наследственную систему традиций, ценностей, идеологических представлений.

Любая идеология, определяющая массовое сознание, состоит из элементов социального опыта, и чем более противоречивы его компоненты, тем глубже они влияют на ход формирования и структуру политического сознания человека.

Посредством восприятия и идеи создаётся регуляторная функция в формировании политического сознания, также функции могут быть ещё нескольких видов – оценочные, интеграционные, мобилизационные.

Благодаря современной науке выделяют четыре базовых уровня формирования политического сознания, именно они определяют представление о политике.

Государственный уровень разрабатывает и проводит официальную политику государства, это происходит через нормативные и законодательные документы, проявляющиеся в законопроектах, программах, конституции. Главный ориентир, который хотят достичь правящие элиты, это достижение выгоды в процессе управления.

Теоретический уровень проявляется в идеях, концепциях, политических программах, декларациях, доктринах; определяется наукой, идеологией; вбирает в себя все теории и концепции, исследующие проблемы в политике.

Эмпирический уровень проявляется на грани ощущений, переживаний, отражает практику политической действительности.

Обыденный уровень эмоциональный и нестабильный, представляет собой совокупность идей и представлений, возникающих в повседневности, в него входят идеологические и теоретические элементы. Совокупность идей и представлений, возникающих в повседневности.

Все процессы формирования политического сознания неразрывно связаны с субъектами политики, которые подвержены определенной классификации и зависимости от субъекта политики-индивидуальной, групповой и массовой.

У индивидуального политического сознания имеются стабильные источники, такие как семья, воспитание, социально-психологический опыт, при этом информация передаётся через общение, личный опыт и СМИ.

Политика любой системы является эффективной и результативной, если есть возможность влиять на формирование массового политического сознания, которое происходит среди граждан и социальных групп населения. Подобное влияние становится возможным, благодаря таким составляющим как государственные институ-

ты, система образования, СМИ, лидеры общественного мнения, общественно значимые события, например чемпионаты мира или Олимпийские игры.

Государство участвует в процессе формирования политического сознания напрямую через СМИ или подконтрольные государственным компаниям или косвенное, выраженное в проведении политики для формирования единой системы ценностей, в том числе через законодательство.

Государство всегда занимает первое место в процессе формирования политического сознания, общественного строя и вытекающие из этого формирования ценности и идеалы, причем огромную роль в этом имеет система образования, действующая в пределах государственного курса. Средства массовой информации преподносят всю информацию о событиях в определенном ключе.

Целенаправленная деятельность, направленная на определение, закрепление, внедрение определённых моделей поведения, мнений, установок и взглядов в сознании отдельного индивида и общества в целом является процессом формирования политического сознания [1].

Формирование политического сознания — это процесс, в результате которого человек приобретает знания, убеждения, ценности и навыки, необходимые для участия в политической жизни общества. Этот процесс начинается с детства и продолжается на протяжении всей жизни.

Одним из основных факторов, влияющих на формирование политического сознания, является семья. Родители могут передавать свои политические убеждения и ценности своим детям, влиять на их взгляды на политику и учить их участвовать в политической жизни общества.

Другим важным фактором является образование.

Школы, университеты и другие образовательные учреждения могут играть важную роль в формировании политического сознания, предоставляя студентам знания о политических системах, идеологиях, политических партиях и т.д.

Средства массовой информации также влияют на формирование политического сознания. Телевизионные программы, газеты, журналы и интернет-ресурсы могут передавать определенные политические взгляды и убеждения, формируя мнения и взгляды людей на политические процессы.

Кроме того, личный опыт и общение с другими людьми могут оказывать влияние на формирование политического сознания. Участие в политических митингах, дискуссиях, общение с представителями различных политических партий и организаций могут помочь людям лучше понимать политические процессы и развивать свои политические взгляды.

Также на формирование политического сознания могут влиять исторические события и культурные традиции. Например, определенные исторические события могут стать поводом для формирования определенных политических взглядов и убеждений. Культурные традиции также могут влиять на политическое сознание, например, определенные религиозные убеждения могут повлиять на политические взгляды людей [4]. Важно отметить, что формирование политического сознания является процессом, который может быть динамичным и изменчивым. Люди могут менять свои политические взгляды и убеждения в зависимости от изменения обстоятельств и новых знаний. Также важно понимать, что формирование политического сознания является индивидуальным процессом, и каждый человек может иметь свои уникальные политические взгляды и убеждения.

В целом, формирование политического сознания яв-

ляется важным процессом, который помогает людям лучше понимать политические процессы и участвовать в политической жизни общества.

References

- [1] Ivanov D.V., Prokhorova E.V. Formation of political consciousness. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politicheskogo-soznaniya>
- [2] Krivtsov A.O. Mechanisms and ways of formation of political consciousness: theoretical aspect. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-i-sposoby-formirovaniya-politicheskogo-soznaniya-teoreticheskiy-aspekt>
- [3] Muntyan M.M. Political socialization and political participation. М., 2006.
- [4] Sisakyan A.K. Philosophical and legal understanding of constitutional legal consciousness in the works of domestic political and legal thought of the XIX-XX centuries. // Eurasian legal journal. 2021. № 1 (152). P. 133-135.

Библиографический список

- [1] Иванов Д.В., Прохорова Е.В. Формирование политического сознания. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-politicheskogo-soznaniya>
- [2] Кривцов А.О. Механизмы и способы формирования политического сознания: теоретический аспект. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-i-sposoby-formirovaniya-politicheskogo-soznaniya-teoreticheskiy-aspekt>
- [3] Мунтян М.М. Политическая социализация и политическое участие. М., 2006.
- [4] Сисакьян А.К. Философско-правовое осмысление конституционного правосознания в трудах отечественной политико-правовой мысли XIX-XX вв. // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 133-135.

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Процесс формирования политического сознания

Аннотация. Политическое сознание жизненно необходимо любому человеку для обычного восприятия окружающей действительности, связанной с политикой, в которую он оказывается включён ежедневно как субъект. Формирование процесса политического общественного сознания возникает в виде социальных и экономических условий, соответствующих данному обществу. Процесс формирования политического сознания не до конца изучен и крайне противоречив. В статье выделяются четыре базовых уровня формирования политического сознания, факторы влияющие на процесс формирования.

Ключевые слова: общество, государство, политическая система, политика, социализация.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the International Publishing Center «Ethnosocium».

The process of formation of political consciousness

Abstract. Political consciousness is vital for any person for the ordinary perception of the surrounding reality related to politics, in which he is included daily as a subject. The formation of the process of political public consciousness arises in the form of social and economic conditions corresponding to a given society. The process of forming political consciousness is not fully understood and is extremely contradictory. The article identifies four basic levels of political consciousness formation, factors influencing the formation process.

Key words: society, state, political system, politics, socialization.

Аннотации

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Культурологическая модель политического лидерства: священнослужитель на вершине государственной власти

В статье рассмотрены примеры подвижнической деятельности священнослужителей, находящихся на вершине государственной власти. Немногочисленные примеры кардиналов Ришельё, Мазарини и кипрского президента архиепископа Макариоса III подтверждают наличие закономерности выдвижения на такие посты не просто верующих людей, а обладающих церковным саном лиц. Эти закономерности отражают обостренную внутри- и внешнеполитическую ситуацию, необходимость установления внутреннего и внешнего мира, для чего государству и обществу от лидера нужны не только опыт и ум, но и готовность к решительным действиям, понимаемым как собственная миссия.

Ключевые слова: религия, власть, государственная служба, теократия, папоцезаризм, личность.

Агамиров Н.И.

Общность национальных традиций и исторической ответственности общества

Автор предпринимает погружение в такую сложную часть политической истории, которая соединяет основополагающие смыслы политической и правовой культуры, соединяя нити исторической памяти и традиции с осмыслением многозначности проблемы гражданской принадлежности. В статье доказано, что плодотворность такого подхода заключается в нахождении политических инструментов утверждения исторической ответственности.

Ключевые слова: политическая культура, история, традиция, власть, гражданство, ответственность, войны памяти.

Чебодаева М.П.**Художник Егор Мейер (1822-1867) в Хакасии**

В статье рассматривается путешествие востоковеда П.А. Чихачева и художника Егора Мейера на Алтай, в Туву и в Хакасию в 1842 году. В работах художника Мейера запечатлены пейзажи Кузнецкого Алатау, форпост Арбаты и деревня Монок, где проживали сибирские казаки. В 1845 году в Париже вышло издание П.А. Чихачева «Путешествие в Восточный Алтай» («Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine par Pierre de Tchihatcheff...»), где были опубликованы виды Горного Алтая и Западного Саяна с гравюрами Егора Мейера.

Ключевые слова: изобразительное искусство Хакасии, художник Егор Мейер, П.А. Чихачев.

Щупленков Н.О.**Щупленков О.В.****Критерии формирования
политической европейской идентичности**

Без определенного уровня общей европейской идентичности маловероятно, что политический или экономический союз институтов и народов Европы сможет существовать. Если только политические, экономические и культурные элиты не смогут навязать это объединение с точки зрения властных отношений. Потому что таким элитам нужны сильные институты и крупномасштабная экономика, чтобы они могли конкурировать за власть с другими элитами в глобализованном мире. И их интересы не воспринимаются как свои собственные слоями с более низким уровнем образования и социально-экономическим статусом. В этом суть так называемого демократического дефицита европейского строительства и корень политических кризисов, которые мы переживаем. Не существует материальной основы для существования общей евро-

пейской идентичности с точки зрения общей практики, которая является источником культур и идентичностей.

Ключевые слова: европейская интеграция, политика идентичность, политическая дискуссия, политические институты, элита.

Болтенкова Л.Ф.

Понятие, структура и функции политической культуры

Политическая культура вобрала в себя не только тысячелетний исторический опыт, многовековые традиции и общепринятые ценности в политической жизни, но и духовные убеждения и представления о мире, а также различные образцы и человеческие нормы поведения. В статье рассмотрены разные подходы к понятию политической культуры, ее структура и основные функции.

Ключевые слова: политическая культура, государственный строй, общественно-политический институт, политический режим, политические установки.

Рябова Е.Л.

Процесс формирования политического сознания

Политическое сознание жизненно необходимо любому человеку для обычного восприятия окружающей действительности, связанной с политикой, в которую он оказывается включён ежедневно как субъект. Формирование процесса политического общественного сознания возникает в виде социальных и экономических условий, соответствующих данному обществу. Процесс формирования политического сознания не до конца изучен и крайне противоречив. В статье выделяются четыре базовых уровня формирования политического сознания, факторы влияющие на процесс формирования.

Ключевые слова: общество, государство, политическая система, политика, социализация.

Abstracts

Ryabova E.L.
Ternovaya L.O.

Culturological model of political leadership: a clergyman at the top of state power

The article considers examples of the ascetic activities of clergy at the top of state power. A few examples of cardinals Richelieu, Mazarin and the Cypriot president, Archbishop Makarios III, confirm the regularity of the nomination to such posts not only of believers, but of those with church rank. These patterns reflect an aggravated domestic and foreign political situation, the need to establish internal and external peace, for which the state and society from the leader need not only experience and intelligence, but also a willingness to take decisive actions, understood as their own mission.

Key words: religion, power, public service, theocracy, papocaesarism, personality.

Agamirov N.I.

Commonality of national traditions and historical responsibility of the society

The author undertakes an immersion in such a complex part of political history, which connects the fundamental meanings of political and legal culture, connecting the threads of historical memory and tradition with understanding the ambiguity of the problem of citizenship. The article proves that the fruitfulness of this approach lies in finding political tools for asserting historical responsibility.

Key words: political culture, history, tradition, power, citizenship, responsibility, memory wars.

Chebodaeva M.P.

Artist Egor Meyer (1822-1867) in Khakassia

The article discusses the journey of orientalist P.A. Chikhachev and artist Egor Meyer to Altai, Tuva and Khakassia in 1842.

The artist Meyer's works depict the landscapes of the Kuznetsk Alatau, the outpost of Arbaty and the village of Monok, where Siberian Cossacks lived. In 1845, an edition of P.A. Chikhachev's "Journey to the Eastern Altai" ("Voyage scientifique dans l'altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine par Pierre de Tchihatcheff...") was published in Paris, where views of the Altai Mountains and Western Sayan with engravings by Egor Meyer were published.

Key words: fine art of Khakassia, artist Egor Meyer, P.A. Chikhachev.

Shuplenkov N.O.

Shuplenkov O.V.

Criteria for the formation of political European identity

Without a certain level of common European identity, it is unlikely that a political or economic union of institutions and peoples of Europe will be able to exist. Unless political, economic and cultural elites are able to impose this unification from the point of view of power relations. Because such elites need strong institutions and a large-scale economy so that they can compete for power with other elites in a globalized world. And their interests are not perceived as their own by layers with a lower level of education and socio-economic status. This is the essence of the so-called democratic deficit of European construction and the root of the political crises that we are experiencing. There is no material basis for the existence of a common European identity from the point of view of common practice, which is the source of cultures and identities.

Key words: European integration, identity politics, political discussion, political institutions, elite.

Boltenkova L.F.

The concept, structure and functions of political culture

Political culture has absorbed not only millennial his-

torical experience, centuries-old traditions and generally accepted values in political life, but also spiritual beliefs and ideas about the world, as well as various patterns and human norms of behavior. The article discusses different approaches to the concept of political culture, its structure and main functions.

Key words: political culture, state system, socio-political institution, political regime, political attitudes.

Ryabova E.L.

The process of formation of political consciousness

Political consciousness is vital for any person for the ordinary perception of the surrounding reality related to politics, in which he is included daily as a subject. The formation of the process of political public consciousness arises in the form of social and economic conditions corresponding to a given society. The process of forming political consciousness is not fully understood and is extremely contradictory. The article identifies four basic levels of political consciousness formation, factors influencing the formation process.

Key words: society, state, political system, politics, socialization.

Авторы

Агамиров Н.И. - кандидат политических наук, профессор, Российская академия адвокатуры и нотариата, действительный член Российской академии социальных наук.

Болтенкова Л.Ф. - доктор юридических наук, профессор. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновская Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Чебодаева М.П. - кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС (г. Абакан).

Щупленков Н.О. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Щупленков О.В. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Authors

Agamirov N.I., Candidate of Political Sciences, Professor, Russian Academy of Advocacy and Notaries, full member of the Russian Academy of Social Sciences.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Chebodaeva M.P., PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member (Abakan).

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the International Publishing Center "Ethnosocium".

Shuplenkov N.O., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Shuplenkov O.V., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Highway State Technical University.